

Православный Листок

прихода преподобного Серафима Саровского в Монреале
Русской Зарубежной Церкви под омофором митрополита Виталия

№ 3 Октябрь 2003 г. Р. Х.

В этом номере:

- Из отечника
- Литургия
- Новости нашего прихода
- Проповедь блаженнейшего митрополита Антония о Литургии Оглашенных
- Московский «патриарх» поздравил папу
- Праздники

ИЗ ОТЕЧНИКА

Авва Иперхий говорил:

1. Пост есть узда для греха
2. Неудерживающий языка во время гнева, не возможет удержать и страсти
3. Лучше есть мясо и пить вино, нежели злоречием снестать братию
4. Сокровище монаха – послушание
5. Нам должно готовиться к перенесению напасти прежде пришествия напасти
6. Истинно премудр не тот, кто учит словом, но кто наставляет делом
7. Древо жизни, возрастающее до неба – смиренномудрие
8. Сколько имеешь силы, потрудись в избавлении ближнего от греха его, не укоряя его за грех

НОВОСТИ НАШЕГО ПРИХОДА

Именины и день рождения преосвященнейшего Сергия

В октябре владыка Сергей отпраздновал свои именины и свое семидесятилетие. По поводу этих событий не устраивалось особенных торжеств – владыку посетили несколько прихожан и духовенство. Пожелаем многая лета нашему правящему архиерею преосвященнейшему епископу Сергию.

Крещения и венчания

За прошедший месяц в нашем приходе крестились несколько человек. Среди них были и взрослые люди и дети. Также в октябре на подворье

венчалась одна пара. Они прожили вместе много лет и у них двое замечательных сыновей. Теперь их союз можно положительно назвать законным.

Рукоположения

26-го октября по новому стилю владыка Сергей постриг во чтецы р. Б. Алексея Фимина

+++

МОСКОВСКИЙ ПАТРИАРХ ПОЗДРАВИЛ РИМСКОГО ПАПУ...

Текст следующей статьи мы взяли с интернет-издания «Церковный Листок». Этот электронный журнал издается с благословения первоиерарха Русской Зарубежной Церкви митрополита Виталия, и люди, издающие его, находятся с нами в молитвенном общении.

По сообщению Службы коммуникации ОВЦС МП:

«15 октября 2003 года по случаю 25-летия избрания Иоанна Павла II главой Римско-Католической Церкви Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II направил Папе Римскому нижеследующее приветственное послание:

Его Святейшеству
Святейшему Иоанну Павлу II,
Папе Римскому

В дни, когда Римско-Католическая Церковь отмечает 25-летие Вашего пребывания на Римской кафедре, примите мое сердечное братское приветствие.

Вы известны всему миру как самоотверженный христианин, пастырь, епископ, предстоятель крупнейшей христианской церкви в мире. Молюсь, чтобы Всемилостивый Господь укрепил Вас в Вашем служении и явил Свою милость на всех чадах Вашей Церкви. От всей души желаю Вам здоровья, духовной и телесной крепости и многих лет жизни.

С любовью о Господе,

+ АЛЕКСИЙ
Патриарх Московский и всея Руси».

Примечание ред. Церковного Листка: Интересно, считает ли Алексей Ридигер «самоотверженным христианством» римокатоликов ересь «филиокве», которую св. Праведный Иоанн Кронштадтский, например, называл «хулой на Духа Святаго»?

Каждый православный христианин, верный сын Церкви, знает кардинальные отличия Православия от Католицизма — догматические, канонические, обрядовые, миссионерские и нравственные, которые никак не могут быть связаны «братской любовью о Господе».

Догматическое отличие заключается, во-первых, в том, что вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7) католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святаго не только от Отца, но и от Сына («филиокве»); во-вторых, в XIX веке к этому присоединился догмат о том, что Дева Мария была зачата непорочно («дэ иммакулата концепционэ»); в-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения («экс катэдра»). Это важные догматические отличия. Православной Церковью также не признаются: учение католиков о загробной судьбе человека — чистилище; учение об оправдании и спасении человека в полупелагианском смысле, о сверх-должных делах и сокровищнице святых, а также об индульгенциях; и учение о таинствах, как имеющих на христианина механически-благодатные действия, и в произвольно измененных способах и формулах совершения их.

Каноническое или церковно-организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главой церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православие признает единого главу Церкви — Иисуса Христа и считает единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенскими,

поместными или архиерейскими соборами, а не единоличными рескриптами предстоятеля в вопросах соборного значения. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденовые организации (в особенности иезуитов).

Обрядовые отличия следующие. Православие не признает богослужения на латинском языке; оно блюдет литургии, составленные свят. Василием Великим и свят. Иоанном Златоустом и не признает западных образцов, в особенности, современных сокращенных; оно соблюдает завещанное Спасителем причастие Св. Таин Христовых под видом хлеба и вина, и отвергает введенное католиками для мирян «причастие» одними «освященными облатками»; оно признает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах, которые являются не выражением святости, а выражением облеченной в физическую форму чувственности; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню, как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, без употребления в храме органа, иную культуру молитвословия и звона; у него другое облачение; у него кардинально иное знамение креста; иное устройство алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое «приседание» и целование ног у человека, пусть даже облеченного саном первосвященника и мн. др.

Миссионерские отличия таковы. Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух «крестовых походов» и инквизиции — истребление еретиков, пытки, костры и принудительное крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяких посторонних мотивов, особенно от застрашивания, политического расчета и материальной помощи («благотворительности»); оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает «правовереие» благотворителя. Оно, по слову Св. Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Оно не ищет власти на земле любой ценой.

Нравственное отличие заключается в том, что Православие взывает к свободному человеческому сердцу, а Католицизм взывает к слепо-покорной воле. Православие ищет пробудить в человеке живую, творческую любовь и совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписаний (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о «предписанном», «запрещенном», «позволенном», «простительном» и «непростительном». Православие идет в глубь души, ищет искренней веры, искренней любви и доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью добродетели.

Наконец, католики допускают хуление по отношению к Православной Церкви, называя Ее «схизмой».

Из Окружного Послания Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви ко всем православным христианам от 6 мая 1848 года:

«...всякое неправое учение, касающееся догмата соборной Церкви о блаженной Троице, о происхождении Божеских Лиц, равно как и об исхождении Святаго Духа, есть и именуется ересью, а умствующие так — еретиками, по определению Святейшего Дамаса, папы римского (который говорит так): «кто об Отце и Сыне мыслит право, а о Духе Святом неправо, тот еретик» (Испов. Соб. Вер., посланное папою Дамасом к епископу фессалоникийскому Павлину).

Посему единая, святая, соборная и Апостольская Церковь, следуя святым Отцам восточным и западным, как древле при Отцах наших возвещала, так и ныне вновь возвещает соборно, что сие

нововведенное мнение, будто Дух Святой исходит от Отца и Сына, есть сущая ересь, и последователи его, кто бы они ни были, еретики, по упомянутому соборному определению святейшего папы Дамаса; составляющиеся из них общества, суть общества еретические, и всякое духовное богослужбное общение с ними православных чад соборной Церкви — незаконно, по силе особенно седьмого правила третьего вселенского Собора».

Подлинное подписали:

Анфим, архиеп. Константинополя, нового Рима, и вселенский патриарх

Иерофей, патр. Александрийский

Мефодий, патр. Антиохийский

Кирилл, патр. Иерусалимский

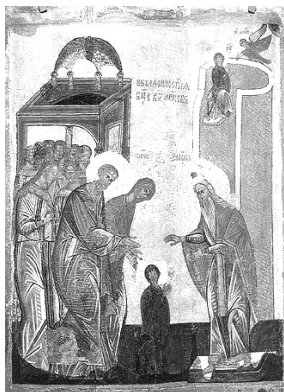
и 29 епископов Константинопольского, Антиохийского и Иерусалимского синодов.

(см. «Руководство к изъяснительному изучению Православия, Католичества и Протестантства», Джорданвилль, 1960 г., стр. 795, 813-814).

Св. Иоанн Кронштадтский (из кн. «Живой колос»): «Удивительно, как в своем вольнодумстве люди ученые, лукавые и гордые превращают своих великих учителей — Самого Христа, безконечную Премудрость, апостолов, имевших премудрость Духа Святаго; так католики превратили учение Самого Премудрого Христа, небесного Учителя, без Которого никто не знает Отца, а только Он — Сын, Христос говорит, что Дух от Отца исходит, а между тем католики и лютеране с англиканцами говорят, что Он от Отца и Сына исходит. Да перестаньте же, наконец, хулить Духа Святаго и возводить на Него ложь: хулящие Духа Святаго не будут прощены ни в сем, ни в будущем веке. А вы забыли слова апостола: «если мы или ангел с неба стал бы благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8). Это слово страшно или нет? — «Небо и земля пройдут, а слова Мои не пройдут» (Матф. 24, 35). А слова апостола, слова — Божии. Вы не сердитесь, друзья, а внимайте истине Божией в простоте сердца, ведь и мы говорим и дерзаем от простоты сердца, отриньте ложь и примите истину...» (там же, сс. 559-560).

ПРАЗДНИКИ

Слово в день Введения во храм Пресвятой Богородицы святого праведного Иоанна Кронштадтского.

21 Ноября / 4 Декабря

Иже древле предвозвести пророческое сословие... Марию Богоотроковицу верно да восхвалим: днесь бо вводится во Святая Святыя воспитатися Господу. (Икос на утрени)

Мы совершаем ныне, братья, торжественную память Введения во храм Пресвятой Богородицы. Что значить это введение, для чего оно было сделано и кем? - Святыя и праведныя Богоотцы Иоаким и Анна, родители Пресвятой Девы, будучи долгое время бездетны, молили Бога даровать им дитя, и, если Бог даст, обещались посвятить его Богу на житие и служение в храме. Бог внял их молитве и даровал им дочь Марш. До трех лет младенец жил в доме родителей, а на четвертом они привели его из города Назарета в город Иерусалим и ввели во храм Соломонов. Здесь принял Ее первосвященник Захария, Который ввел Ее в Святая Святыя храма, куда мог входить однажды в год один только первосвященник. С этого времени Пресвятая Дева до своего возраста жила при храме вместе с другими, посвященными на служение Богу девами, обучаясь чтению св. писания и рукоделю и имея свободный вход в Святая Святыя для молитвы, которую посвящала большую часть времени и здесь она получала часто

пищу от Архангела Гавриила. Итак Пресвятая Дева Мария введена была во храм воспитатися Господу.

Но и каждый из нас, братья, имеет долг, сверх занятий по своему званию, воспитываться и детей своих воспитывать, при мирском воспитании, для Господа. Необходимость этого воспитания для неба, для Господа очевидна для всякого из того, что Творец создал нас для другой жизни в будущем веке, которой не будет конца, совершенно отличной от настоящей, временной жизни. Наследуйте изготовленное вам царствие от сложения мира (Мф. 25, 34).

Военное искусство, торговля, промышленность, земледелие, земные науки и искусства, земные дела, - только на земле необходимы, и, как все земное, пройдут, кончатся, как и небо и земля мимо идут (Лук. 21, 33) Но так как неземная, вечная душа наша слишком много заботится о земном и непостоянном по застарелой испорченности греховной, забывая о постоянном, вечном отечестве небесном, то надобно всячески стараться, чтобы она не увлеклась совсем мирскими заботами, попечениями, делами и временною сладостью греха и не забыла о другой жизни; нужно всячески, при помощи Божией, направлять ее к небу, раньше знакомить ее с тамошним светом и тамошними потребностями, образовывать ее по небесному, заставляя ее заблаговременно дышать, так сказать, небесным воздухом. Это и значить воспитание для неба, для Господа. Чтобы небо впоследствии времени приняло нас, необходимо здесь - на земли каждому положить в душу свою что-нибудь родное небу, иначе на небе не будет для нас места. Пресвятая Дева введена была во храм и оставлена там до известного времени именно для того, чтобы сроднить Ее с небом, так как храм для этого лучшее место. Царь небесный потому и принял Ее, вселился в Ее утробу, что она была приготовлена к принятию Его духовным воспитанием, что природныя добрыя Ее расположения и наклонности вполне развились и утвердились здесь так, что она сроднилась душою с чистыми небожителями, быв предпочищена Духом Святым. На небе может быть только сродное небу. К Богу не приселится лукавнуя, ниже пребудут незаконницы пред очими Его (Псал. 5, 5, 6). Что же именно нужно при духовном воспитании каждого из нас для неба?

Надобно, во первых, приучить ум обращаться чаще к небу, к Богу, к вечности нам приготовленной и нас ожидающей. Так как для человека мирянина это не совсем легкое дело, особенно, если он живет в постоянных заботах о житейском, или в довольстве и благополучии; потому что чем привык с любовью ум заниматься, к

тому всего легче и обращается, то надобно для этого чаще посещать храм Божий, читать священное писание, также беседовать с опытными в духовной жизни людьми. Св. Церковь есть лучшая воспитательница христианина; великодаровитый Господь положил в ней все средства к нашему духовному воспитанию; вся нам Божественная сила, яже к животу и благочестию (2 Петр. 1, 3) подаются нам в ней.

Но надобно также и самим размышлять по временам, что все земное слишком непостоянно и чрезвычайно скоро проходить, оставляя в сердце человека, преданного миру, одну пустоту; что душа наша вечна и об ней необходимо позаботиться. Нам кажется, что здешняя жизнь довольно долга и многие думают, что она дана для наслаждений и потому ловят удовольствия, спешат повеселиться, пока не ушло время, оставляя вечные, небесные потребности души без всякого уважения и попечения. Сколько здесь заблуждения! Здешняя жизнь кажется довольно продолжительною от нашей ограниченности, от нашей слепоты, от близорукости; опытные люди говорят, что вся их прошедшая жизнь есть как бы прошедшее сновидение. Если же душа наша вечна, а все земное скоро проходит, нисколько не насыщая ее, то легко заключить отсюда всякому, что настоящая жизнь дана не для наслаждений, которые не больше, как приманка грешного мира, как силки, в который ловцы бесплотные, лютые, ловят нашу душу, хотя и нельзя отвергать наслаждений невинных, которым однако ж есть свое время и мира. Настоящая жизнь дана нам для раскрытия наших душевных сил в стройном согласии.

Во вторых, надобно стяжать сердце чистое, сокрушенное и смиренное, простое, мягкое и нежное, которое легко чувствовало бы ядовитость каждого греха, которое болело бы от всего, что противно святейшему Господу и своею болью извлекало слезы, очищающие скверны сердечные; надобно приучить его к искренности и к искренней любви ко всем людям и, в частности, к сострадательной любви к бедным и несчастным. Сердце сокрушенно и смиренно Бог никогда не уничтожит (Псал. 50, 19), и чистые сердцем в будущей жизни узрят Бога, да и в настоящей жизни только чистые сердцем способны искренно любить Бога и ближних. Простота, искренность

сердца любезны Богу. Св. апостолы были выбраны не из премудрых и разумных людей века сего, потому что они большею частью очень непросты, а из младенцев, то есть, из людей, которые по своим понятиям, простоте и неиспорченности подобны младенцам (Мф. 11, 25). Земная мудрость иногда стыдится простоты евангельской; но эта простота и есть та самая мудрость, которой должны научиться все люди, если они дорожат вечным спасением. Да, из Евангелия и апостольских посланий всем нам нужно учиться простоте и искренности, чистоте и любви. Аще не обратитесь, и будете яко дети, говорит Спаситель, не внидете в царство небесное (Мф. 18, 3).

Наконец, в третьих, надобно стяжать любовь к добродетели или к святой жизни. Много зла в мире, и он весь во зле лежит (Иоан. 5, 19) со времени первого греха; поэтому людям, по природе злым и лукавым, склонным ко греху, надобно заботиться избегать случаев ко греху и искать случаев сделать доброе дело. А сделать доброе дело представляется случай каждому, - во всяком звании. Каждое звание от Бога и добросовестное прохождение обязанностей его есть уже доброе дело, хотя можно найти случаи - сделать много и других добрых дел. Добрые дела необходимы нам для будущей жизни. У Господа Бога такой закон, что все люди, - как растения, которым прирождена способность производить из себя плоды и тем быть полезными живым тварям, - должны также непременно давать от себя плоды добрых дел; в противном случае и нам грозит Он посечением, как в притче один садовник хотел посечь бесплодную смоковницу, или - связанием в снопы, назначенные для сожжения. Мир есть гумно Божие. На этом гумне есть пшеница и плевелы, т. е. люди добродетельные, Богу приятные и людям полезные; и люди порочные, на всякое благое дело неискусные, Богу противные, а иногда и для людей малополезные или и совсем бесполезные. Но верно слово Божие, что только пшеница собрана будет в житницу небесную, т. е. в царство небесное, а плевелы, или негодная трава будут сожжены огнем негасящим (Мф. 3, 12), или огнем вечных мучений.

И так, братия, при мирских делах своего звания, будем воспитываться для неба, равно как и детям своим, при мирском воспитании, будем давать духовное воспитание или направление.

Пресвятая Богородице! Помогай нам в этом важном деле и укрепляй нас постоянно в нашем намерении и в наших трудах воспитания для Господа, для вечности. Аминь

КАК СОВЕРШАЕТСЯ БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Этими словами каждый православный христианин вводится в лоно Церкви при троекратном погружении во время Крещения (троекратном, в знак посвящения нового члена Церкви Святой Троице -- Отцу, и Сыну, и Святому Духу). И этими словами русские люди, в течение многих веков, начинали свои дела.

Причина, побудившая меня взяться за описание Божественной Литургии, состоит в том, что, по моему глубокому убеждению, только восстановив настоящий православный дух, русский народ сможет снова стать великим народом, каким он был до своего грехопадения, приведшего сначала к февральской катастрофе, а потом -- к октябрьской. Под православным духом здесь имеется ввиду такое состояние души, когда человек проверяет каждый свой шаг его соответствием заповедям (и, если данное действие в какой-то степени противоречит одной из заповедей, то человек воздерживается от такого поступка). Катастрофическое положение русского и других народов СССР не может быть решено переходом от материализма марксистского к материализму капиталистическому. Даже больше -- увлечение материализмом

капиталистическим, в жестокой атмосфере марксистского бесчеловечного наследия, только ускорит моральную, а за ней и экономическую гибель. А ведь именно так власть имущие в СССР представляют себе решение своих "экономических" проблем. Предлагаются новые планы, переход на "рыночную экономику" (попытка скопировать у запада материализм капиталистический) и т.д.

Но решение, как сказал А. Солженицын в своем заявлении при получении Темплтоновской премии в 1983 г., "... не лежит на пути усвоенных ежедневных представлений". И в другом месте: "Слишком бедны те средства, которые мы себе оставили". Без восстановления духовного фундамента, любые чисто материалистические попытки восстановить на гниющем болоте марксизма экономику ради экономики будут обречены на неудачу и, мало того, ещё и на замену рабства марксистского кабалой мирового капитала.

Проблема же восстановления православного духа сегодня (1991) гораздо серьезнее, чем это может показаться. Положение тут хуже, чем то, с которым сталкивались христиане-миссионеры в диких языческих странах: там люди, по крайней мере, признавали какие-то божественные силы и миссионерам нужно было только убедить их обратиться к истинному Богу. В России же, где атеизм в течение двух веков усиленно насаждался русскими "просвещёнными" классами, а за последние 70 лет -- беспощадно и насильно навязывался воинственно-атеистическим

государством, у широких слоёв населения появилось безразличие или автоматический антагонизм к "религии". Семидесятилетние попытки создать "марксистского человека" -- человека, живущего по сиюминутным человеческим установкам, а не по законам, основанным на абсолютных понятиях Добра и Зла -- привели к одичанию, массовой потере религиозного сознания и человечности.

Таким образом, для восстановления православного духа в русском народе, нужно провести огромную миссионерскую работу, направленную на приобщение людей к духу православия. Большинство же православных богослужений не предназначено для миссионерской деятельности, но для духовного окормления уже верующих. Так, если строго придерживаться церковных правил, то во время Литургии некрещённые могут присутствовать только лишь на первой и второй частях службы. Кроме этого, суть основных обрядов и их символику следует подробно разъяснять в популярных, ясных текстах. Человек, приходящий в церковь и стоящий полтора-два часа, ничего не понимая в происходящем, приобретает лишь малую часть того, что мог бы получить, если бы он понимал происходящее.

Так как Божественная Литургия является одним из самых распространённых и доступных широким слоям населения богослужений, то я и решил начать с выпуска короткой брошюры с её объяснением. Будучи только верующим мирянином, без специального богословского образования, в основу данной брошюры я положил труд, написанный нашим великим писателем Н. В. Гоголем, "Размышления о Божественной Литургии", а также использовал "Закон Божий" протоиерея Серафима Слободского. Настоящая брошюра -- упрощённое чтение, приспособленное для ознакомления широких слоёв населения с этим богослужением.

Текст Гоголя, используемый в брошюре -- издание Св. Троицкого монастыря, в г. Джорданвилл, шт. Нью-Йорк, США, 1942 г. В предисловии к этому изданию сказано: "Но при всех таких достоинствах, 'Размышления о Божественной Литургии', включили и малые недостатки, происшедшие от того самого, что писал мирянин, наблюдавший за Богослужением из среды народа и неосведомлённый о некоторых деталях чинопоследования, совершаемого в алтаре. Эти малые дефекты мы постарались исправить, не нарушая ни стили, ни мыслей, ни настроений, ни слога великого автора". Отклонения от этого текста, допускаемые мной в данной брошюре, в основном, следующие: использование новой орфографии; некоторые сокращения и упрощения; выделение возгласов, произносимых вслух священником или диаконом, подчеркнутым курсивом и написание их русским шрифтом и с толкованием в тех случаях, когда церковно-славянский текст может быть непонятен; добавление иллюстраций, заимствованных из "Закона Божия" о Серафима Слободского. Кроме этого, ввиду угнетённого положения православной Церкви в СССР, включены моления, введенные в чин Литургии Архиерейским синодом Русской Православной Церкви Заграницей. И, наконец, данное описание следует "Чину Священныя и Божественныя Литургии иже во святыхъ отца нашего Иоанна Златоустаго", так как эта Литургия совершается чаще других.

Следует ещё указать на то, что ни у Гоголя, ни в данном изложении, не было сделано попытки точно перевести церковно-славянские выражения, а только лишь дать их значение, используя современный русский язык. Лица, заинтересованные в точном переводе, должны обращаться к другим источникам как, например, "Творения святого отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольскаго, в русском переводе", стр. 394; издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1906 г.

Автор благодарит протоиерея Георгия Ларина и Романа Лукьянова, тещу М. С. Пивовонского и д-ра Т. А. Родзянко за их советы и чтение текста.

Вступление

Божественная Литургия есть вечное повторение великого подвига любви, для нас совершившегося. Слово "Литургия", в буквальном переводе, значит "общее (или общественное) дело". Оно появилось у древних христиан для обозначения богослужения, которое действительно было "общим", т.е. в нём принимал участие каждый член христианской общины -- от грудных детей до пастыря (священника).

Литургия является как бы вершиной суточного круга богослужений, девятым богослужением из совершаемых св. православной Церковью богослужений на протяжении суток. Так как церковный день начинается вечером с захода солнца, то эти девять богослужений совершаются в монастырях в таком порядке:

Вечер.

1. Девятый час -- (3 часа дня).
2. Вечерня -- (перед заходом солнца).
3. Повечерие -- (по наступлении темноты).

Утро.

1. Полунощница -- (после полуночи).
2. Утренняя -- (до рассвета).
3. Первый час -- (по восходе солнца).

День.

1. Третий час -- (9 часов утра).
2. Шестой час -- (12 часов дня).
3. Литургия.

В Великом посту бывает, когда литургия совершается вместе с вечерней. В наше время в приходских храмах суточные богослужения чаще всего состоят из всенощного бдения или всенощной, совершаемой вечером накануне особо чтимых праздничных дней, и Литургии, обыкновенно совершаемой утром. Всенощная состоит из соединения вечерни с утреней и первым часом. Литургии предшествуют 3-й и 6-й часы.

Суточный круг богослужений символизирует историю мира от сотворения до пришествия, распятия и воскресения Иисуса Христа. Так, вечерня посвящается временам ветхозаветным: сотворение мира, грехопадение первых людей, изгнание их из рая, раскаяние и молитва их о спасении, затем, надежда людей, согласно обетованию Божию, на Спасителя и, наконец, исполнение этого обетования.

Утренняя посвящена временам новозаветным: явление Господа нашего Иисуса Христа в мир, для нашего спасения, Его проповедь (чтение Евангелия) и Его славное Воскресение.

Часы -- собрание псалмов и молитв, которые читались христианами в четыре важные для христиан времена дня: час первый, когда начиналось для христиан утро; час третий, когда было сошествие Духа Святого; час шестой, когда Спаситель мира был пригвождён ко кресту; час девятый, когда Он испустил дух Свой. Так как нынешнему христианину, по недостатку времени и беспрестанным развлечениям и другим занятиям, не бывает возможно совершать эти моления в означенные часы, то 3-й и 6-й час соединены и читаются вместе.

Литургия же -- самое важное богослужение, во время которого совершается Святейшее Таинство Причащения. Литургия также является символическим описанием жизни и великого подвига Иисуса Христа, от рождения до распятия, смерти, воскресения и вознесения. Во время каждой Литургии, каждый участвующий в Литургии (и именно

участвующий, а не просто "присутствующий") снова и снова подтверждает свою приверженность православию, т.е. подтверждает свою верность Христу .

Вся служба, известная под названием "Литургии", совершается по утрам в воскресенье и праздничные дни, а в больших соборах, монастырях и некоторых приходах -- ежедневно. Продолжается литургия около двух часов и состоит из следующих трёх основных частей:

1. Проскомидии.
2. Литургии оглашенных.
3. Литургии верных.

Проскомидия

Слово "Проскомидия" значит "принесение", в память того, что в древние времена христиане приносили всё нужное для совершения литургии -- хлеб, вино и др. Так как всё это является приготовлением к литургии, то духовное её значение -- воспоминание о первоначальном периоде жизни Христа, от Рождества до выхода Его на проповедь, бывшем приготовлением к Его подвигам в мире. Поэтому вся проскомидия совершается при затворенном алтаре, при задёрнутой завесе, незримо от народа, также как и вся первоначальная жизнь Христа проходила незримо от народа.

Священник (по-гречески "иерей"), которому предстоит совершать Литургию, должен ещё с вечера трезвиться телом и духом, должен быть примирён со всеми, должен опасаться питать какое-нибудь неудовольствие на кого бы то ни было. Когда же наступит время, идёт он в церковь; вместе с диаконом поклоняются они оба перед царскими вратами, произнося ряд положенных молитв, целуют образ Спасителя, целуют образ Богородицы, поклоняются ликам святых всех, поклоняются всем предстоящим направо и налево, испрашивая сим поклоном себе прощения у всех, и входят в алтарь, произнося про себя псалом 5-й, от середины 8-го стиха до конца:

"Вниду в дом Твой, поклонюся храму Твоему во страхе Твоем", и пр.

И, приступив к престолу (лицом к востоку), бьют пред ним три наземные поклона и целуют на нём лежащее евангелие, как бы Самого Господа, сидящего на престоле; целуют потом и сам престол и приступают к облачению себя в священные одежды, чтобы отделиться не только от других людей, но и от самих себя, ничего не напомнить в себе другим похожего на человека, занимающегося обыкновенными житейскими делами. И произносятся:

"Боже! Очисти мя грешного и помилуй мя!" священник и диакон берут в руки одежды, см. рис. 1.

Сначала облачается диакон: испросив благословение у иерея, надевает стихарь блистающего цвета, во знаменованье светоносной ангельской одежды и в напоминание непорочной чистоты сердца, которая должна быть неразлучна с саном священства, произнося при надевании его:

Рис. 1

"Возрадуется душа моя о Господе, облече бо мя в ризу спасения, и одежду веселия одея мя, яко жениху возложи ми венец, и яко невесту, украси мя красотой". (Т.е., "Возрадуется душа моя о Господе, ибо он облек меня в ризу спасения, и одежду веселия одел меня, как на жениха возложил на меня венец, и как невесту украсил меня украшениями").

Затем берёт, поцеловав, "орарь" -- узкое длинное лентие, принадлежность диаконского звания, которым подаёт он знак к начинанию всякого действия церковного, воздвигая народ к молению, певцов к пению, священника к священнодействию, себя к ангельской быстроте и готовности во служении. Ибо звание диакона, что звание ангела на небесах, и самым сим на него воздетым тонким лентием, развевающимся как бы в подобие воздушного крыла, и быстрым хождением своим по церкви изобразует он, по слову Златоустаго,

ангельское летание. Lentие это он, поцеловав, набрасывает себе на плечо.

После этого диакон одевает "поручи" (или нарукавницы), думая в этот момент о всетворящей, содействующей силе Божией; одевая правую, он говорит: *"Десница Твоя, Господи, прославися в крепости: десная Твоя рука, Господи, сокруши враги, и множеством славы Твоя стерт еси супостаты"*. (Т.е., "Правая рука Твоя, Господи, прославилась силою: правая рука Твоя, Господи, сокрушила врагов, и множеством Твоей славы уничтожила противников").

Одевая левую, думает о самом себе как о творении рук Божьих и молит у Него же, его сотворившего, да руководит его свышним Своим руководством, говоря так:

"Руце Твои сотвористе мя и создасте мя: вразуми мя, и научуся заповедем Твоим". (Т.е., "Руки Твои сотворили меня и создали меня: вразуми меня и я научусь Твоим заповедям").

Священник облачается таким же образом. В начале благословляет и надевает стихарь (подризник), сопровождая это теми словами, какими сопровождал и диакон; но, вслед за стихарём, надевает уже не простой одноплечный орарь, но двухплечный, который, покрыв оба плеча и

Рис. 2.

"Благословен Бог препоясая мя силою, и положи непорочен путь мой, совершая нозе мои яко елени, и на высоких поставляя мя". (Т.е., "Благословен Бог, дающий мне силу, сделавший путь мой непорочным и мои ноги быстрее оленьих и поднявший меня на вершину. /Т.е. к Престолу Божьему/").

Наконец, надевает иерей "ризу" или "фелонь", верхнюю всепокрывающую одежду, знаменующую всепокрывающую правду Господню со словами: *"Священницы Твои, Господи, облечатся в правду, и преподобнии Твои радостию возрадуются всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь"*. (Т.е., "Священники Твои, Господи, оденутся в праведность, и святые Твои радостью возрадуются всегда, теперь и постоянно, и во веки веков. Истинно так".)

обняв шею, соединяется обоими концами на груди его вместе и сходит в соединённом виде до самого низа его одежды, знаменуя этим соединение в его должности двух должностей -- иерейской и диаконской. И называется он уже не орарём, а "епитрахилью", см. рис. 2. Надевание епитрахили знаменует излияние благодати на священника и поэтому сопровождается это величественными словами Писания:

"Благословен Бог изливаяй благодать Свою на священники Своя яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аарону, сходящее на ометы одежды его". (Т.е., "Благословен Бог, изливающий благодать Свою на Своих священников, как миро на голову, стекающее на бороду, бороду Аарона, стекающее на края одежды его").

Затем надевает поручи с теми же словами, что говорил и диакон, и опоясывает себя поясом поверх подризника и епитрахили, чтобы не препятствовала ширина одежды в совершении священнодействий и чтобы этим выразить готовность свою, ибо препоясывается человек, готовясь в дорогу, приступая к делу и подвигу: препоясывается и священник, собираясь в дорогу небесного служения, и смотрит на пояс свой, как на крепость силы Божией, его укрепляющей, для чего и произносит:

И одетый таким образом в орудия Божии, священник предстоит уже иным человеком: каков он ни есть сам по себе, как бы ни мало был достоин своего звания, но глядят на него все стоящие во храме, как на орудие Божие, которым управляет Дух Святой. Священник и диакон оба омывают руки, сопровождая сие чтением 25-го псалма, от 6 до 12 стиха:

"Умью в неповинных руце мои, и обыду жертвенник Твой" и пр.

Сделав по три поклона перед жертвенником (см. рис. 3), в сопровождении слов:

"Боже! Очисти мя грешнаго и помилуй мя" и пр., священник и диакон поднимаются омытые, усветлённые, подобно сияющей одежде своей, ничего не напоминая в себе подобного другим людям, но уподобляясь скорее сияющим видениям, чем людям. Диакон возглашает негромко о начале священнодействия:

"Благослови, владыко!" И священник начинает словами: "Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно и во веки веков". Диакон же завершает словами: "Аминь".

Рис. 3.

Вся эта часть проскомидии состоит в приготовлении нужного к служению, т.е. в отделении от хлеб-просфор (или "приношений") того хлеба, который должен в начале быть образом тела Христова, а потом -- пресуществиться в него. Всё это совершается в алтаре при затворённых дверях, при задёрнутой завесе. Для молящихся же читаются в это время 3-й и 6-й "часы".

Приступив к жертвеннику, или "предложению", находящемуся слева от престола, знаменующему древнее боковое помещение храма, иерей берёт одну из пяти просфор с тем, чтобы вырезать ту часть, которая станет "агнцем" (телом Христовым) -- середину с печатью, помеченной именем Христа (см. рис. 4). Этим знаменуется изъятие плоти Христа от плоти Девы -- рождение Бесплотного во плоти. И, помышляя, что

рождается Принесший в жертву Себя за весь мир, соединяет неминуемо мысль о самой жертве и принесении и глядит: на хлеб, как на агнца, приносимого в жертву; на нож, которым должен изъять, как на жертвенный, который имеет вид копья, в напоминание копья, которым было прободено на кресте тело Спасителя. Не сопровождает он теперь своего действия ни словами Спасителя, ни словами свидетелей, современных случившемуся, не переносит себя в минувшее, в то время, когда совершилось это принесение в жертву -- то ещё предстоит впереди, в последней части литургии -- и к этому предстоящему он обращается издали прозревающею мыслию, для чего и сопровождает всё священнодействие словами пророка Исаии, издали, из тьмы веков, прозревшего будущее чудное рождение, жертвоприношение и смерть и возвестившего об этом с ясностью непостижимую.

Рис. 4.

Водружая копьё в правую сторону печати, иерей произносит слова пророка Исаии:

"яко овца на заколение ведётся"; (т.е., "как овечка ведётся на заклание");

водрузив копьё потом в левую сторону, произносит:

"и яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст Своих"; (т.е., "как непорочный ягнёнок, безгласный перед стригущим его, молчит");

Рис. 5.

"Род же Его кто исповесть?"; (т.е., "кто знает Его происхождение?").

И приподъёмлет копьём вырезанную середину хлеба, произнося:

"яко вземлетса от земли живот Его"; (т.е., "как возьмётся с земли жизнь Его");

и положив потом хлеб печатью вниз, а вынутой частью вверх (на подобие агнца, приносимого в жертву), иерей крестовидно прорезает, во знамение крестной смерти Его, на нём знак жертвоприношения, по которому потом хлеб будет разделен, произнося:

"Жрется Агнец Божий, вземляй грех мира, за мирский живот и спасение". (Т.е., "Приносится в жертву Агнец Божий, взявший на Себя грех мира, за жизнь и спасение мира").

И, повернув печатью вверх, кладёт на дискос и водружает копьё в правый бок, напоминая, вместе с заколением жертвы, прободение ребра Спасителя, совершенное копьём стоявшего у креста воина, и произносит:

"Един от воин копием ребра Его прободе, и абие изыде кровь и вода: и видевый свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его". (Т.е., "Один из воинов пробил копьём Ему бок, и оттуда сразу же пошла кровь и вода; и видевший засвидетельствовал об этом, и истинно есть свидетельство его").

И слова эти служат вместе с тем знаком диакону ко влитию в святую чашу вина и воды. Диакон, до тех пор смотревший благоговейно на всё совершаемое иереем, то напоминая ему о начинании священнодействия, то произнося внутри самого себя: *"Господу помолимся!"* при всяком его действии, испросив у иерея благословения, вливает ковшиком вина и немного воды в чашу, соединив их вместе.

водружая после этого копьё в верхнюю сторону печати, произносит:

"во смиренни Его суд Его взятыя"; (т.е. "со смирением переносит Свой приговор");

водрузив копьё потом в нижнюю часть, произносит слова пророка, задумавшегося над происхождением осуждённого Агнца:

И во исполнение обряда первенствующей церкви и святых первых христиан, воспоминавших всегда, при помышлении о Христе, о всех тех, которые были ближе к Его сердцу исполнением Его заповедей и святостью жизни своей, приступает священник к другим просфорам, чтобы, вынув из них частички в воспоминание их, положить на том же дискосе возле того же святого хлеба, образующего Самого Господа, так как и сами они пламенели желанием быть повсюду со своим Господом.

Взявши в руки вторую просфору, вынимает он из неё частичку в воспоминание Пресвятой Богородицы и кладёт её по правую сторону святого хлеба (слева, если смотреть от священника), произнося из псалма Давида:

"Предста Царица одесную Тебе, в ризы позлащенны одеянна, преукрашенна". (Т.е., "Стала Царица справа от Тебя, украшенная и одетая в позолоченные одежды").

Потом берёт третью просфору, в воспоминание святых, и тем же копьём вынимает из неё девять частиц в три ряда и в том же порядке кладёт на дискос, слева от агнца, по три в каждом: первую частичку во имя Иоанна Крестителя, вторую -- во имя пророков, третью -- во имя апостолов, и этим завершает первый ряд и чин святых.

Затем вынимает четвёртую частичку во имя святых отцов, пятую -- во имя мучеников, шестую -- во имя преподобных и богоносных отцов и матерей, и завершает этим второй ряд и чин святых.

Потом вынимает седьмую частичку во имя чудотворцев-бессребренников, восьмую -- во имя Богоотцев Иоакима и Анны и святого, прославляемого в этот день, девятую -- во имя Иоанна Златоустаго или Василия Великаго, смотря по тому, кого из них совершается в тот день литургия, и завершает этим третий ряд и чин святых. И Христос является среди своих ближайших, во святых Обитающий зрится видимо среди святых Своих -- Бог среди богов, Человек среди человеков.

И, принимая в руки четвёртую просфору в поминовение всех живых, священник вынимает из неё и кладёт на святой дискос частицы во имя синода и патриархов, во имя правителей, во имя всех живущих повсюду православных и, наконец, во имя каждого из них поименно, кого захочет помянуть, или о ком просили его помянуть.

Затем берёт иерей пятую просфору, вынимает из неё частицы в поминовение всех умерших, прося в то же время об отпущении им грехов их, начиная от патриархов, царей, создателей храма, архиерея, его рукоположившего, если он находится уже в числе усопших, и всех православных христиан, вынимая во имя каждого, о котором его просили, или которого он сам захочет помянуть. В заключение испрашивает и себе отпущения во всём и также вынимает частицу за себя самого, и все их кладёт на дискос возле того же святого хлеба внизу его.

Таким образом, вокруг сего хлеба, сего Агнца, изображающего Самого Христа, собрана вся церковь Его, и торжествующая на небесах, и воинствующая здесь. Сын Человеческий является среди человеков, ради которых Он воплотился и стал Человеком.

И, отступив немного от жертвенника, поклоняется иерей, как бы он поклонялся самому воплощению Христову, и приветствует в виде хлеба, лежащего на дискосе, появление Небесного Хлеба на земле, и приветствует его каждением фимиама, благословив прежде кадило и читая над ним молитву:

"Кадило Тебе приносим Христе Боже наш, в вою благоухания духовнаго, еже прием в пренебесный Твой жертвенник, возниспосли нам благодать Пресвятаго Твоего Духа". (Т.е., "Кадило Тебе приносим Христе Боже наш, окружённое духовным благоуханием, которое прими в пренебесный Твой жертвенник и ниспосли нам благодать Пресвятаго Твоего Духа".)

Диакон же произносит: *"Господу помолимся"*.

И весь переносится мыслю иерей в то время, когда совершилось рождество Христово, возвращая прошедшее в настоящее, и глядит на этот жертвенник, как на таинственный вертеп (т.е. пещеру), в который переносилось на то время небо на землю: небо стало вертепом, и вертеп -- небом. Обкадив звездицу (две золотые дуги со звездой наверху), сопровождая словами:

"И пришедши звезда, ста верху, идеже бе Отроча": (т.е., "И придя, стала звезда вверху, там, где был Отрок"), ставит её на дискосе, глядя на неё, как на звезду, светившую над Младенцем; на святой хлеб, отделённый на жертвоприношение -- как на новородившегося Младенца; на дискос -- как на ясли, где лежал Младенец; на покровы -- как на пелены, покрывавшие Младенца.

И, обкадив первый покров, покрывает им святой хлеб с дискосом, произнося псалом:

"Господь воцарися, в лепоту (красоту) облечеса"... и прочее: псалом 92-й, 1-6, в котором воспевается дивная высота Господня.

И, обкадив второй покров, покрывает им святую чашу, произнося:

"Покры небеса добродетель Твоя Христе, и хвалы Твоя исполнь земля".

И, взяв потом большой покров (плат), называемый святым воздухом, покрывает им и дискос и чашу вместе, взывая к Богу, да покроет нас кровом крыл Своих.

И, отступив опять немного от жертвенника, поклоняются оба, и иерей и диакон, предложенному святому хлебу, как поклонялись пастыри и цари новорожденному Младенцу, и кадит священник как бы перед вертепом, символизируя, или изображая этим каждением то благоухание ладана и смирны, которые были принесены вместе с золотом мудрецами.

Диакон же по-прежнему сопредисутствует внимательно иерею, то произнося при всяком действии *"Господу помолимся"*, то напоминая ему о начинании самого действия. Наконец, принимает из рук его кадильницу и напоминает ему о молитве, которую следует вознести ко Господу о сих для Него уготовленных дарах:

"О предложенных честных (т.е. досточтимых, почитаемых) дарех Господу помолимся!"

И священник приступает к молитве.

Хотя дары эти не более, как приготовлены только к самому приношению, но так как отныне ни на что другое уже не могут быть употреблены, то и читает священник для себя одного молитву, предваряющую о принятии этих предложенных к предстоящему приношению даров (даётся по-русски):

"Боже, Боже наш, пославший в пищу для всего мира небесный хлеб, нашего Господа и Бога Иисуса Христа, Спасителя, Искупителя и Благодетеля, благословляющего и освящающего нас, Сам благослови это предложение, и прими его на Свой пренебесный жертвенник, вспомни, как добрый и человеколюбивый, принесших, и за которых они принесли, и сохрани нас неосужденными в священном совершении божественных Твоих таин". И громко заканчивает: *"Яко святися и прославися пречестное, и великолепое имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков, аминь"*. (Т.е., "Так как пребывает в святости и славе всечестное и величественное имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, теперь и всегда, и во веки веков. Истинно так".)

И творит, вслед за молитвой, отпуст (т.е. окончание) проскомидии. Диакон же кадит предложение и потом, крестовидно, -- святую трапезу (престол) и, помышляя о земном рождении Того, Кто родился прежде всех веков, присутствуя всегда повсюду и повсеместно, произносит в самом себе (даётся по-русски):

"Ты, Христос, наполняющий всё, безграничный, /был/ в гробу телом, а в аду, как Бог, душою, а в раю с разбойником, и на престоле господствовал с Отцом и Духом".

После этого диакон выходит из алтаря с кадилом, чтобы наполнить благоуханием всю церковь и приветствовать всех, собравшихся в святую трапезу любви. Каждение это совершается всегда в начале службы, как и в жизни домашней всех древних восточных народов предлагались всякому гостю при входе омовения и благовоения. Обычай этот перешел целиком на это пиршество небесное -- на тайную вечерю, носящую имя литургии, в которой так чудно соединилось служение Богу вместе с дружеским угощением всех, которому пример показал Сам Спаситель, всем услуживший и умывший ноги.

Кады и кланяясь всем равно, и богатому и нищему, диакон, как слуга Божий, приветствует их всех, как наилюбезных гостей Небесного Хозяина, кадит и поклоняется в то же время и образам святых, ибо и они -- гости, пришедшие на тайную вечерю: во Христе все живы и неразлучны. Приготовив, наполнив благоуханием храм и, возвратившись потом в алтарь и вновь обкадив его, диакон отдаёт кадильницу прислужнику, подходит к иерею, и оба вместе становятся перед святым престолом.

Став перед престолом, священник и диакон три раза кланяются, и, готовясь начинать священнодействие литургии, призывают Духа Святого, ибо всё служение их должно быть духовно. Дух -- учитель и наставник

молитвы: "Мы не знаем, о чём молиться, -- говорит апостол Павел -- но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными" (Римл. 8, 26). Моля Святого Духа, дабы вселился в них и, вселившись, очистил их для служения, священник дважды произносит песнь, которую приветствовали ангелы рождество Иисуса Христа:

"Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение".

Вслед за этой песнью отдёргивается церковная завеса, которая открывается только тогда, когда следует поднять мысль молящихся к высшим, "горним" предметам. Здесь открытие горних дверей знаменует, вслед за песнью ангелов, что не всем было открыто рождество Христово, что узнали о нём только ангелы на небесах, Мария с Иосифом, волхвы, пришедшие поклониться, да издали прозревали о нём пророки.

Священник и диакон произносят про себя:

"Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою" (т.е., "Господи, открой мои уста, и уста мои будут славить Тебя"), после чего священник целует евангелие, диакон целует святой престол и, приклонив главу свою, так напоминает о начинании литургии: поднимает тремя пальцами орарь и произносит:

"Время сотворити Господеви, владыко благослови ,

в ответ на что священник благословляет его словами:

"Благословен Бог наш, всегда, ныне и присно, и во веки веков".

Диакон же, помышляя о предстоящем ему служении, в котором должно уподобиться ангельскому летанию -- от престола к народу и от народа к престолу, собирая всех в едину душу, и быть, так сказать, святой возбуждающей силой, и чувствуя недостойность своё к такому служению -- молит смиренно иерея:

"Помолися о мне, владыко!"

На что священник отвечает:

"Да исправит Господь стопы твоя!" (Т.е., "Да направит Господь шаги твои").

Диакон же снова просит:

"Помяни мя, владыко святыи!"

А иерей отвечает:

"Да помянет тя Господь Бог во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков".

Тихо и ободрённым голосом диакон произносит: "Аминь" и выходит из алтаря северной дверью к народу. И, став на амвоне, перед царскими вратами, повторяет ещё раз в самом себе:

"Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою", после чего, громко взывает к иерею:

"Благослови, владыко!"

Иерей же возглашает из глубины алтаря:

"Благословено царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков"

(благословено -- достойно прославления).

Лик (т.е. хор) поёт: "Аминь"

(т.е. истинно так). Это -- начало второй части литургии, литургии оглашенных

Литургия оглашенных

Как первая часть литургии, проskomидия, соответствует первоначальной жизни Христа (Его рождению, открытому только ангелам да немногим людям, Его младенчеству и пребыванию в сокровенной неизвестности до времени появления в мир), так вторая часть соответствует Его жизни в мире среди людей, которых Он огласил словом истины. Называется она литургией оглашенных ещё и потому, что в ранние времена христианства к ней допускались "оглашенные" -- те, которые только готовились стать христианами принятием Святого Крещения, а также кающиеся, отлучённые за тяжкие грехи от Св. Причастия. При этом её священнодействия -- преимущественно "огласительные", включающие чтения из книг св. Апостолов и Святого Евангелия.

Как было сказано выше, иерей (т.е. священник) начинает литургию возглашением из глубины алтаря: *"Благословено (т.е., "достойно прославления") царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков". На что лик (т.е., хор) отвечает: Аминь .*

Так как через воплощение Сына стало миру очевидно ясно таинство Троицы, то поэтому самому троичное возглашение предшествует и предияет начинанию всяких действий, и молящийся, отрешившись от всего, должен с первого раза поставить себя в царстве Троицы.

После возгласа священника, диакон произносит "великую" или "мирную" ектению следующим образом. Стоя на амвоне, лицом к царским вратам, изображая из себя ангела, побудителя людей к молениям, подняв тремя пальцами правой руки орарь -- подобие ангельского крыла -- диакон призывает молиться весь собравшийся народ теми же самыми молитвами, которыми неизменно от апостольских времён молится Церковь, начиная с моления о мире душевном, *"Миром Господу помолимся"*, без которого трудно молиться. Собрание молящихся, знаменуясь крестом, стремясь обратить свои сердца в согласно настроенные струны органа, по которым должно ударять каждое воззвание диакона, восклицает мысленно вместе с хором поющих после каждого, приведенного ниже, возгласа диакона:

"Господи, помилуй!"

Диакон же продолжает призывать всех молиться такими словами:

"О свышнем мире (т.е., мире душевном, подаваемом Богом), и спасении душ наших, Господу помолимся".

"О мире всего мира, благостоянии (т.е., "твёрдом стоянии") святых Божиих церквей и соединении всех (т.е., "единении всех верных"), Господу помолимся".

"О святем храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оны (в него), Господу помолимся".

"О православном епископстве гонимья церкви российской, о господине нашем высокопреосвященнейшем митрополите (даётся имя митрополита), первоиерархе русския зарубежняя церкви, о господине нашем (архиепископе или епископе данной епархии), честнем пресвитерстве, во Христе диаконстве, о всем причте и людех, Господу помолимся".

"О страждущей стране россиястей и православных людех ея во отечестве и рассеянии сущих и о спасении их, Господу помолимся".

"О еже избавити люди Своя от горькаго мучительства безбожняя власти, в нас же утвердити единомыслие, братолюбие и благочестие, Господу помолимся".

"О стране сей, властех и воинстве ея, Господу помолимся".

"О граде сем, всяком граде, стране, и верою живущих в них, Господу помолимся".

"О благорастворении воздушных, о изобилии плодов земных, и временех мирных, Господу помолимся". (Т.е., "О хорошей благотворной погоде, чтобы земля дала изобилие всех плодов и о мире, чтобы не было вражды или борьбы, отвлекающей от мирного и честного труда").

"О плавающих, путешествующих, недугующих (т.е., болеющих), страждущих (т.е., страдающих), плененных и о спасении их, Господу помолимся".

"О избавитися нам от всякия скорби (т.е., беды), гнева и нужды (т.е., насилия), Господу помолимся".

"Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию".

И, собирая всё это всеобъемлющую цепью молитв, называемой "ектений", на всякое её отдельное призывание, собрание молящихся восклицает, после каждого возгласа диакона, вместе с хором поющих:

"Господи, помилуй!"

Сознавая малосилие наших молитв, которым недостаёт душевной чистоты и небесной жизни, призывает диакон – вспомня о тех, которые умели лучше нашего молиться – предать (посвятить) самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу такими словами:

"Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянувши, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим".

В желании искреннем посвятить самих себя, и друг друга, и всю жизнь нашу Христу Богу, как умели это сделать вместе с Богоматерью святые и лучшие из нас, взывает вся церковь совокупно с ликом:

"Тебе, Господи!"

Иерей завершает ектинию троичным славословием:

"Яко (потому что) подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков".

Молящиеся и лик ответствуют утвердительно:

"Аминь".

после чего начинается пение "антифонов" (противугласников) -- песен, выбранных из псалмов, пророчески изображающих пришествие в мир Сына Божия. Поются обычно они попеременно обоими ликами на обоих клиросах (когда есть два клироса).

Пока поётся первый антифон, иерей молится в алтаре внутренней молитвой (даётся по-русски):

"Господи, Боже наш, Которого могущество нельзя представить, и славу нельзя обнять, Которого милость нельзя измерить и о человеколюбии рассказать, Сам, Владыка, призри, по Своему милосердию, на нас и на этот святой дом, и окажи нам и молящимся с нами богатую Свою милость и Своё сострадание".

Диакон же в продолжение этой молитвы стоит в молитвенном положении перед иконой Спасителя, подняв орарь тремя пальцами. Когда же окончится пение первого антифона, он снова, став перед царскими вратами, призывает молящихся словами ("малой ектений"):

"Паки и паки миром Господу помолимся!" (Т.е., "Снова и снова помолимся Господу, примирившись со всеми нашими ближними, не имея ни на кого гнева или вражды"), на что молящиеся и лик восклицают:

"Господи, помилуй!"

Диакон взывает:

"Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию".

Собрание и лик восклицают:

"Господи, помилуй!"

Возведя глаза к ликам святых, диакон продолжает:

"Пресвятую, пречистую, преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувши, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим".

Собрание восклицает:

"Тебе, Господи!"

Иерей же заключает троичным славословием:

"Яко Твоя держава, и Твое есть царство, и сила, и слава, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков".

Утвердительный аминь возглашает лик и вся церковь. За сим следует пение второго антифона.

В продолжение второго антифона священник в алтаре молится про себя (даётся по-русски):

"Господи, Боже наш, спаси Свой народ и благослови Своё наследие, сохрани Церковь Свою в её полноте, освяти любящих красоту Твоего дома; Ты прославь их за это Своею божественною силою, и не оставь нас, надеющихся на Тебя".

Диакон же становится опять в молитвенном положении перед иконой Спасителя, держа орарь тремя пальцами; по окончании же пения опять обращается к алтарю, призывая, как и прежде, словами:

"Паки и паки, миром Господу помолимся!"

на что лик и собрание отвечают:

"Господи, помилуй!"

и снова повторяется малая ектиния, приведенная выше, после которой снова собрание и лик восклицают:

"Тебе, Господи!"

Иерей троичным славословием завершает моление:

"Яко благ и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков".

Утвердительно "аминь" отвечает вся церковь, и диакон уходит в алтарь.

А священник молится про себя (даётся по-русски):

"Ты, даровавший нам эти общие и согласные молитвы, обещавший выполнять просьбы, при согласии во имя Твое двух и трёх, и теперь Сам исполни прошения Своих рабов, сообразно с пользою /их/, доставляя нам средства в настоящем веке к познанию Твоей истины, и имея даровать вечную жизнь в будущем /веке/".

После этого хор готовится провозгласить во всеуслышание Заповеди Блаженств, которыми возвестил Христос в настоящем веке познание истины, а в будущем -- вечную жизнь. Хор поёт словами благоразумного разбойника, воззавшего ко Христу на кресте: "Во царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем" после чего собрание повторяет вслед за хором слова Спасителя, названные "Заповедями Блаженств":

"Блажени (т.е. счастливы) нищии духом (т.е. не гордящиеся, не возносящиеся умом), яко тех есть царство небесное".

"Блажени плачущии, яко тии утешатся" -- плачущие ещё больше о собственных несовершенствах и прегрешениях, чем от оскорблений и обид, им наносимых.

"Блажени кротци, яко тии наследят землю" -- не питающие гнева ни противу кого, всепрощающие, любящие, которых оружие есть всёпобеждающая кротость.

"Блажени алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся" -- алчущие небесной правды, жаждущие восстановить её прежде в самих себе.

"Блажени милостивии, яко тии помилованы будут" -- состраждущие о каждом брате, в каждом просящем видящие Самого Христа, за него просящего.

"Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят" -- как в чистом зеркале успокоенных вод, не возмущаемых ни песком ни тиной, отражается чисто небесный свод, так и в зеркале чистого сердца, невозмущаемого страстями, уже нет ничего человеческого, и образ Божий в нём отражается один.

"Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся" -- подобно Самому Сыну Божию, сходявшему на землю за тем, чтобы внести мир в наши души, так и вносящие мир и примирение в дома -- истинные Божии сыны.

"Блажени изгнанныи правды ради, яко тех есть царство небесное" -- изгнанные за возвешение правды не одними устами, но благоуханием всей своей жизни.

"Блажени есте, егда поносят вас и изженут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради. Радуйтесь и веселитесь, яко мзда (т.е. награда) ваша многа на небесех" -- многа (т.е. велика), ибо заслуга их троекратна: первая, что уже сами по себе они были невинны и чисты; вторая, что, быв чисты, были оклеветаны; третья, что быв оклеветаны, радовались, что потерпели за Христа.

Молящиеся слёзно повторяют вслед за щецом эти слова Спасителя, возвестившие, кому можно ждать и надеяться на вечную жизнь в будущем веке, кто является истинными сонаследниками и соучастниками небесного царства.

Торжественно открытые царские врата перед началом пения блаженств евангельских, как бы врата самого царствия небесного, являют глазам всех собравшихся сияющий престол, как селение Божией славы и верховное училище, отколе исходит к нам познание истины и возвещается вечная жизнь. Приступив к престолу, священник и диакон снимают с него Евангелие и несут его из алтаря к народу не царскими вратами, но боковой, северной, дверью, напоминающей дверь в той боковой комнате, из которой в первые времена выносились книги на середину храма для чтения.

Молящиеся взирают на Евангелие, несомое в руках смиренных служителей церкви, как бы на Самого Спасителя, исходящего в первый раз на дело божественной проповеди: исходит Он тесной северной дверью, как бы неузнанный, на середину храма, дабы, показавшись всем, возвратиться во святилище царскими вратами.

Служители Божии посреди амвона, перед царскими вратами, останавливаются; оба преклоняют главы. Иерей молится внутренней молитвой, чтобы Установивший на небесах воинства ангелов и чины небесные в служение славы Своей повелел теперь сим самым силам и ангелам небесным, сослужащим нам, совершить вместе с ними вшествие во святилище. А диакон, указывая молитвенным орарём на царские двери, говорит ему:

"Благослови, владыко, святой вход",

на что иерей возглашает, благословляя царские двери крестным знамением:

"Благословен вход святых Твоих, всегда, ныне и присно, и во веки веков".

Дав поцеловать иерею святое Евангелие, диакон останавливается в царских вратах и, подняв его в руках своих, возглашает:

"Премудрость!"

знаменуя сим, что Слово Божие, Его Сын, Его Вечная премудрость открылась миру чрез Евангелие, которое он теперь возвысил в своих руках. И за тем возглашает:

"Прости!"

("прости", с ударением на "о" -- станьте прямо, воздвигнитесь от лени и небрежного стояния, прислушайтесь), и вносит Евангелие в алтарь.

Молящиеся, воздвигаясь духом, вместе с хором зывают:

"Приидите, поклонимся и припадем ко Христу. Спаси ны, Сыне Божий, воскресый из мертвых поющая Ти: аллилуия!" (Слово "Аллилуия" значит "Хвалите Господа").

Священник, повернувшись лицом к народу, благословляет всех и, поцеловав иконки Спасителя и Божией Матери, также входит в алтарь царскими вратами.

Евангелие, возвестившее слово жизни, полагается на престоле. На клиросах раздаются или песнопения в честь праздника того дня, или же хвалебные тропари и гимны в честь святого, память которого празднуется.

По окончании тропарей иерей, прочитав тайную молитву во время пения, возглашает:

"Яко свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно".

Диакон подхватывает "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны", указывая на верующих и, повернувшись к царским вратам, громко завершает: "И во веки веков!" В ответ, торжественно оглашает всю церковь трисвятое пение, состоящее в тройном воззвании к Богу:

"Святой Боже, Святой Крепкий (т.е. сильный), Святой Бессмертный, помилуй нас!"

Троекратно певцы поднимают это пение, чтобы звучало вслух всем, что с вечным пребыванием Бога пребывало в нём вечное пребывание Троицы, и не было времени, чтобы у Бога не было Слова, и чтобы Слово Его оскудевал Дух Святой. "Словом Божиим небеса создадася и духом уст Его вся сила их", говорит пророк Давид. Каждый из собрания, сознавая, что и в нём, как подобии Божию, есть та же тройственность, есть Он Сам, Его Слово и Его Дух, или мысль, движущая словом, но что человеческое его слово бессильно, изливается праздно и не творит ничего, а дух его принадлежит не ему, завися от всех посторонних впечатлений, и только по возвышении его самого к Богу то и другое приходит в нём в силу: в слове отражается Божие Слово, в духе -- Дух Божий, и образ Троицы Создавшего отпечатлевается в создании, и создание становится подобно Создателю. Сознавая всё это, каждый, слышащий трисвятое пение, молится внутренне и три раза повторяет в себе:

"Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!"

Священник в алтаре, молясь внутренней молитвой о принятии этого трисвятого пения, три раза кланяется перед престолом, повторяя: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!" И подобно ему, повторив в себе ту же трисвятую песнь, диакон три раза кланяется вместе со священником.

И, сотворив поклонение, отходит иерей на горнее место (т.е. позади престола), как бы в глубину Боговедения, откуда истекла нам тайна Всесвятая Троицы, как бы в то возвышеннейшее место, где Сын пребывает в лоне Отчем единством Духа Святого. И восхождением своим изображает иерей восхождение Самого Христа вместе с плотью в лоно Отчее, призывающее человека вослед стремиться в лоно Отчее -- возрождение, прозреет издали пророком Даниилом, который видел в высоком видении своём, как Сын Человеческий дошел даже до Ветхого днями (т.е., Бога, потому что Он вечен, и бытия Его нет начала и конца, Дан. 7, 9).

Иерей идёт к горнему месту, произнося:

"Благословен грядый во имя Господне",

и на призывание диакона:

"Благослови, владыко, горний престол", благословляет его, произнося:

"Благословен еси на престоле славы царствия Твоего, седяй на херувимех, всегда, ныне, и присно, и во веки веков".

И садится на горнем месте возле седалища, назначенного для архиерея (при начале чтения Апостола). Отсюда, как Божий апостол и его наместник, обратясь лицом к народу, готовится он слушать наступающее чтение апостольских посланий -- сидящи, изображая сидением своё равенство апостолам.

Чтец, с Апостолом в руках, выходит на средину храма. Воззванием: "Вонмем!" (т.е., "будем внимать, слушать") призывает диакон всех предстоящих ко вниманию. Священник посылает из глубины алтаря и чтецу, и предстоящим пожелание мира: "Мир всем", на что чтец отвечает "И духови твоему". Дьякон же возглашает "Премудрость!", после чего чтец провозглашает какой текст будет читаться. Диакон снова призывает:

"Вонмем!"

Громко, выразительно, чтобы всякое слово было слышно всем, начинает чтец; прилежно сердцем приемлющим, душою ищущей, разумом, испытующим внутренний смысл читаемого, слушает собрание, так как чтение апостола служит ступенью и путём к лучшему пониманию чтения Евангельского.

Когда чтец окончит чтение Апостола, иерей возглашает ему из алтаря:

"Мир ти",

на что чтец отвечает: "И духови твоему".

Диакон возглашает:

"Премудрость!"

Лик же откликается:

"Аллилуия, аллилуия, аллилуия",

что значит "Слава, Тебе, Боже", повторяя его после каждого возглашения чтецом стихов, относящихся к празднуемому событию или святому.

С кадилом в руке идёт диакон исполнить благоуханием храм, навстречу идущего Господа, напоминая кажденьем о духовном очищении душ наших, с каким должны мы внимать словам Евангелия. Священник же в алтаре молится внутренней молитвой, чтобы воссиял в сердцах наших свет Божественного богоразумия и открылись бы наши мысленные очи в уразумение евангельских проповеданий. О воссиянии того же света в сердцах своих молятся внутренне все, готовясь к слушанию.

Испросив благословение от иерея словами "Благослови, владыко, благовестителя святаго славнаго апостола и евангелиста..." (называет имя апостола) и получив от него в напутствие:

"Бог молитвами святаго славнаго всехвальнаго апостола и евангелиста (тут называется его имя) да даст тебе глагол благовествующему силою многою, во исполнение Евангелия возлюбленнаго Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа", диакон отвечает "Аминь" и всходит на амвон, предшествуемый несомым

светильником, знаменующим всепросвещающий свет Христов. Иерей в алтаре возглашает к собранию, склонившему головы:

"Премудрость! Прости, услышим святаго Евангелия! Мир всем!" ("прости" -- стойте прямо, со вниманием).

Лик и все присутствующие отвечают:

"И духови твоему".

Диакон начинает чтение Евангелия.

Благоговейно преклонив головы, как бы внимая Самому Христу, говорящему с амвона, все стараются принять сердцами семя святого слова, которое устами служителя сеет Сам Сеятель Небесный. Не теми сердцами, которых уподобляет Спаситель земле при пути, на которую хоть и упадают семена, но тут же бывают расхищены птицами -- налетающими злыми помышлениями; не теми также сердцами, которых уподобляет Он каменистой почве, только сверху прикрытой землёй, которые хоть и охотно приемлют слово, но слово не водружает глубоко корня, ибо нет глубины сердечной; и не теми также сердцами, которые уподобляет Он неочищенной земле, глухимой тернием, на которой хоть и даёт семя всходы, но быстро вырастающие тут же вместе с ними терния -- терния трудов и забот века, терния оболщений, бесчисленные обаяния светской умерщвляющей жизни с её обманчивыми удобствами, заглушают едва поднявшиеся всходы, и семя остаётся без плода -- но теми приемлющими сердцами, которых уподобляет Он доброй почве, дающей плод -- кто в сто, кто в шестьдесят, кто в тридцать раз -- которые всё, принятое в себе, по выходе из церкви, возвращают в домах, в семье, в службе, в труде, в отдохновеньях, в увеселеньях, с людьми в беседах и наедине с самим собою. Словом, каждый верный стремится быть тем, и слушающим и творящим вместе, которого обещает Спаситель уподобить мужу мудру, строящему дом не на песке, но на камени, так что, если бы тут же, по выходе из церкви, набежали на него дожди, реки и вихри всех бедствий, его духовный дом остался бы неподвижен, как твердыня на камне.

По окончании чтения, священник возвещает диакону:

"Мир ти благовестующему".

На что, приподымая головы, все предстоящие в чувстве благодарности восклицают вместе с ликом:

"Слава Тебе, Господи, слава Тебе!"

Стоящий в царских вратах священник принимает от диакона Евангелие и, благословив им народ, ставит его на престол, как Слово, исшедшее от Бога и к Нему же возвратившееся. Алтарь, изображающий вышние горние селения, скрывается от глаз -- врата царские затворяются в знак того, что нет других врат в Царствие Небесное, кроме открытых Христом, что с Ним только можно войти в них: "Я есмь (т.е., есть) дверь" (Ио. 10, 9).

Тут обыкновенно у древних христиан было место проповеди; следовали изъяснение и толкование прочитанных евангелий. Но так как проповедь в нынешнее время говорится большей частью на другие тексты и, стало быть, не служит изъяснением прочитанного Евангелия, то, чтобы не разрушать стройного порядка и связи священной литургии, она произносится в конце.

Изображая ангела, побудителя людей к молениям, диакон идёт на амвон воздвигнуть собрание к молениям ещё сильнейшим и прилежнейшим и взывает:

"Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем!" (Т.е., "Будем говорить, будем все молиться от всей души, от всего нашего разума"); подняв тремя пальцами молитвенный орарь; и, устремляя моления от всех помышлений, все восклицают вместе с ликом:

"Господи, помилуй!"

Усугубляя моления троекратным воззванием о помиловании, диакон призывает сызнова молиться о всех людях, находящихся на всех ступенях званий и должностей, начиная с высших, где трудней человеку, где ему больше преткновений и где ему нужней помощь от Бога. Каждый же из собрания, зная, как много благоденствие многих зависит от того, когда высшие власти исполняют честно свои обязанности, молится о том, чтобы Бог их вразумил и наставил исполнять честно свои обязанности и всякому подал бы силы пройти честно своё земное поприще. Во времена монархии эти моления были о Государе, государыне, наследнике и всё царствующем доме; о Святейшем Синоде, правящем архиерее данной епархии и всей во Христе братии нашей; о христоролюбивом воинстве, о священниках, иеромонахах и всем во Христе братстве нашем; о всех преждепочивших православных; и о предстоящих в храме. В наше же время включены моления о гонимой церкви в России, а потом -- о православной Церкви, находящейся вне России:

"Еще молимся о православном епископстве гонимия церкви российския, о господине нашем высокопреосвященнейшем митрополите (называется имя митрополита), первоиерархе русския зарубежныя церкви, о господине нашем преосвященнейшем (имя епископа данной епархии), и всей во Христе братии нашей".

О сем молятся все прилежно, произнося уже не один раз: *"Господи, помилуй!"* но три раза. Вся цепь этих молений называется сугубой ектений, или ектений прилежного моления, и священник в алтаре перед престолом вполголоса молится прилежно о принятии всеобщих усугублённых молений, и молитва эта называется молитвой прилежного моления: *"Господи Боже наш, прилежное сие моление приими от Твоих раб, и помилуй нас, по множеству милости Твоя, и щедроты Твоя низпосли на ны, и на вся люди Твоя, чающия от Тебе богатия милости".*

Диакон продолжает громко:

"Еще молимся о страждущей стране россиястей и православных людех ея во отечествии и разсеянии сущих и о спасении их".

"Еще молимся о еже избавити люди Своя от горькаго мучительства безбожныя власти, в нас же утвердити единомыслие, братолюбие и благочестие".

"Еще молимся о стране сей, властех и воинстве ея".

"Еще молимся о братиях наших, священницех, священномонасех, и всем во Христе братстве нашем".

"Еще молимся о блаженных и приснопамятных, святейших патриарсех православных, и благочестивых царех, и благоверных царицах, и создателех святаго храма сего, и о всех преждепочивших отцех и братиях, zde лежащих и повсюду, православных".

"Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людех, ожидающих от Тебе великия и богатия милости".

Если в тот день есть приношение об усопших, тогда вслед за сугубой ектений следует ектения об усопших; если нет то священник снова провозглашает:

"Яко милостив и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков".

Лик заканчивает: "Аминь".

После этого диакон провозглашает: "Господу помолимся" и священник произносит Молитву о спасении России:

"Господи Иисусе Христе, Боже наш! Приими от нас недостойных рабов Твоих усердное моление сие и, прости нам вся согрешения наша, помяни всех врагов наших, ненавидящих и обидящих нас и не воздаждь им по делом их, но по велицей Твоей милости обрати их: неверных ко правоверию и благочестию, верных же во еже уклониться от зла и творити благое. Нас же всех и Церковь Твою святую всесильною Твоею крепостию от всякаго злаго обстояния милостиво избави. Отечество наше от лютых безбожников и власти их свободи, верных же рабов Твоих, в скорби и печали день и ночь вопиющих к Тебе, многоболезненный вопль услыши, многомилостиве Боже наш, и изведи из истления живот их. Подаждь же мир и тишину, любовь и утверждение и скорое примирение людям Твоим, иже честною Твоею Кровию искупил еси. Но и отступившим от Тебе и Тебе не ищущим явлен буди, во еже ни единому от них погибнути, но всем им спастися и в разум истины прийти, да вси в согласном единомыслии и в непрестанной любви прославят пречестное имя Твое, терпеливодушне, незлобиве Господи, во веки веков".

Хор поёт: "Аминь",

а диакон начинает ектению об оглашенных, перед началом которой закрываются царские врата.

До краха 1917 г. в России "оглашенных" (некрещёных) практически не было. В наше время многие готовятся к принятию святого крещения и находятся в числе "оглашенных". Но и всякий присутствующий, помышляя, как далеко он отстоит и верой и делами от "верных", удостаивавшихся соприсутствовать трапезе любви в первые века христиан, видя, как он, можно сказать, только огласился Христом, но не внёс Его в самую жизнь, только что слышит разум слов Его, но не приводит их в исполнение, и ещё холодно его верование, и нет огня всёпрощающей любви к брату, поедающей душевную чёрствость, и что, крещённый водой во имя Христа, он не достигнул того возрождения в духе, без которого ничтожно его христианство, по слову Самого Спасителя: "аще кто не родится свыше, не увидит в Царствие Небесное", -- соображая это, всякий из присутствующих сокрушенно ставит себя в число оглашенных и на призвание дьякона:

"Помолитесь оглашеннии Господеву!"

от глубины сердца взывает (вместе с ликом):

"Господи, помилуй!"

"Вернии!" взывает диакон: "о оглашенных помолимся, да Господь помилует их".

"Огласит их словом истины".

"Откроет им Евангелие правды".

"Соединит их святей Своей соборней и апостольстей Церкви".

"Спаси, помилуй, заступи и сохрани их, Боже, Твоею благодатию!"

И верные, чувствующие, как мало они заслуживают названия верных, молясь об оглашенных, молятся о самих себе, и на всякое отдельное призывание диакона восклицают внутренне вслед за поющим ликом: "Господи, помилуй!" Диакон взывает:

"Оглашеннии, главы ваша Господеву приклоните!"

Оглашенные склоняют свои головы, восклицая внутренне в сердцах: "Тебе, Господи!".

Священник втайне молится об оглашенных. Молитва его в сих словах:

"Господи Боже наш, иже на высоких живый, и на смиренныя призираяй, иже спасение роду человеческому низпославый, едиnorodнаго Сына Твоего и Бога, Господа нашего Иисуса Христа: призри на рабы Твоя оглашенныя, подклонивши Тебе своя выя, и сподобия во время благопотребное бани пакибытия, оставления грехов, и одежди нетления, соедини их святей Твоей соборней и апостольстей Церкви, и сопричти их избранному Твоему стаду".

Вслух иерей провозглашает:

"Да и тии с нами славят пречестное и великолепое имя Твое Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков".

Лик гремит: "Аминь".

В напоминание, что наступила минута, в которую в древние времена выводились из церкви оглашенные, диакон возглашает громко:

"Елицы (т.е. которые) оглашеннии, изыдите!"

И вслед за тем, возвысив голос, возглашает в другой раз:

"Оглашеннии, изыдите!"

И потом в третий раз:

"Елицы оглашеннии, изыдите! да никто от оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся!" (т.е., "Оглашенные выйдите! Никто из оглашенных, одни только верные, снова и снова все вместе Господу помолимся").

От слов этих содрогаются все, чувствующие своё недостойнство. Взывая мысленно к Самому Христу, изгнавшему из храма Божия продавцов и бесстыдных торгашей, обративших в торжище Его святыню, каждый предстоящий старается изгнать из храма души своей оглашенного, неготового присутствовать при святыне, и взывает к Самому Христу, чтобы воздвигнул в нём верного, причисленного к избранному стаду, о котором сказал апостол (1 Пет. 2, 9, 5): "Язык свят, люди обновления, камение, зиждующееся в храм духовен", -- причисленного к тем истинно верным, которые присутствовали при литургии в первые века христиан, которых лики глядят теперь с иконостаса. И, объёмля их всех взорами, призывает их на помощь, как братьев, молящихся на небесах, ибо предстоят священнейшие действия -- начинается литургия верных.

Литургия верных

Так называется третья часть литургии потому, что на ней могут присутствовать только "верные", т.е. крещёные. Её можно разделить на следующие части:

1. перенесение Честных Даров с жертвенника на престол, символизирующее погребение Спасителя;
2. приготовление верующих к освящению Даров;
3. освящение (пресуществление) Даров;
4. приготовление верующих к причащению;
5. причащение и
6. благодарение за причащение и отпуст.

1. Перенесение Честных Даров с жертвенника на престол.

В закрытом алтаре иерей расprostирует на святом престоле антиминос (вместопрестоліе) – плат с изображением тела Спасителя, в котором защиты мощи святых и на который должны быть поставлены приуготовленные на проскомидии святой хлеб и чаша, исполненная вина и воды, которые с жертвенника перенесутся теперь торжественно в виду всех верных. Расprostиши антиминос, напоминающий время гонения христиан, когда Церковь не имела постоянного пребывания и, не могли переносить с собой престола, стала употреблять сей плат с частицами мощей, и который остался как бы в возвешение, что и ныне не прикрепляется она ни к какому исключительному зданию, городу или месту, но как корабль носится поверх волн сего мира, не водружая нигде своего якоря: её якорь на небесах.

Расprostиши сей антиминос, иерей приступает к престолу так, как бы приступал к нему в первый раз и как бы только теперь готовился начинать настоящее служение, ибо в первоначальное время у христиан только теперь открывался престол, доселе остававшийся закрытым по причине присутствия оглашенных, и только теперь начинались настоящие моления верных.

Ещё в закрытом алтаре припадает он к престолу и двумя молитвами верных молится он об очищении своём, о неосужденном предстоянии святому жертвеннику, об достоинии его приносить жертвы в чистом свидетельстве совести. А диакон, стоя на амвоне посреди церкви, изображая ангела, побудителя к молитвам, держа орарь тремя перстами, призывает всех верных к тем же молениям, какими начиналась литургия оглашенных, см. выше.

И также стараясь о приведении своих сердец в согласное настроение мира, теперь ещё необходимейшего, все верные зывают:

"Господи, помилуй!"

и ещё сильнее молятся о свышнем мире и о спасении душ наших, о мире всего мира, о благостоянии Божиих Церквей, о единении всех, о святом храме сем и о входящих в него с верою, благоговением и страхом Божиим, о том, чтобы избавиться от всякой беды ("скорби"), гнева и насилия ("нужды"). И зывают в сердцах своих:

"Господи, помилуй!"

По окончании этого моления диакон возглашает:

"Премудрость!"

на что иерей отвечает торжественным возгласом:

"Яко под державою Твоею всегда храними, Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков".(Т.е., "Чтобы, постоянно сохраняясь под Твоею властью, Тебя мы прославляли, Отца и Сына, и Святаго Духа, теперь и всегда, и во веки веков".) Хор заканчивает: *"Аминь"*.

Предыдущие два возгласа означают, что та же Самая Премудрость, Тот же вечный Сын, исходивший в виде Евангелия сеять слово, учившее жить, перенесётся теперь в виде святого хлеба принестись в жертву за весь мир. Воодушевлённые этим напоминанием, молящиеся сосредотачивают мысли свои и готовятся к предстоящим священнейшим священнодействиям и служениям.

Иерей втайне молится, припадая к престолу, сею возвышенною молитвою (даётся частично по-русски):

"Никто из связавшихся чувственными пожеланиями и наслаждениями не достоин приступать к Тебе, или приближаться, или служить Тебе, Царь Славы: ибо служение Тебе велико и страшно и самим силам небесным. Но так как, по безмерному Своему человеколюбию, Ты непреложно и неизменно стал человеком, Сам был архиерей и Сам передал нам священнодействие сея служебная и безкровная жертвы, как Владыка всех: ибо Ты один, Боже, владычествуешь и небесными и земными, носимый херувимами на престоле, Господь Серафимов и Царь Израилев, Единый Свят и во святых почитающийся: то молю Тебя, Единого Благого и благопослушливого, воззри на меня, грешного и негодного раба Твоего, очисти мою душу и сердце от совести злыя, и сделай меня, облечённого благодатью священства, способным стать, силою Твоего Святого Духа, возле зтого святого Твоего престола, и священнодействовать святое и пречистое Твоё тело и честную Кровь! К Тебе бо прихожу, преклоняя мою шею, и молю Тебе: да не отвертишь лица Твоего от меня, ниже отринишь меня от отроков Твоих, но сподоби посредством меня недостойного, принестись Тебе, сим дарам Твоим: ибо Ты еси и приносящий, и приносимый, и приемлющий, и раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем, со безначальным Твоим Отцом и Пресвятым, Благим и Животворящим Твоим Духом ныне, и присно, и во веки веков".

Царские врата раскрываются на середине молитвы, так что иерей виден ещё молящийся с расprostёртыми руками. Диакон с кадилом в руке выходит приготовить путь Царю всех, и обильно распространяемым курением подъёмля облака кадильных благоуханий, посреди которых перенесётся Носимый Херувимами, напоминает всем о том, чтобы направилась их молитва, как кадило пред Господом – напоминает о том, что нужно им быть чистыми Херувимами для поднятия Господа. А лик подъёмлет от лица всей Церкви, особенно торжественно, с повторениями, подобно тому, как в вышине пели незримые силы, первую часть ХЕРУВИМСКОЙ песни:

"Иже Херувимы тайно образующе, и Животворящей Троице трисвятую песнь припевающе, всякое ныне житейское отложим попечение..."(Т.е., "Мы, тайно изображающие Херувимов и воспевающие трисвятую песнь Животворящей Троице, отложим всякие заботы...").

Иерей и диакон, повторяя внутренно в себе ту же самую херувимскую песнь, приступают к жертвеннику, где совершалась проскомидия. Приступивши к Дарам, накрытым воздухом, диакон говорит: *"Возьми, владыко!"* Иерей снимает воздух и возлагает ему на левое плечо, и произносит: *"Возьмите руки ваша во святая и благословите Господа"*. Потом берёт дискос с Агнцем и возлагает его на главу диакону; а сам берёт святую чашу и, предшествуемые светильником или лампадой, оба выходят боковой (северной) дверью к народу, что и есть "великий выход", знаменующий собой торжественное шествие Иисуса Христа на вольные страдания и смерть.

При виде Царя всех, несомого в смиренном виде Агнца, лежащего на дискосе, как бы на щите, окружённого орудиями земных страданий, как бы копьями несчётных невидимых воинств и чиноначалий, все долу преклоняют свои главы и молятся словами разбойника, воззавшего к нему на кресте: *"Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Своем"*.

Ход останавливается на амвоне. Диакон произносит:

"Православное епископство гонимья церкви российской, господина нашего (имя первоиерарха Русской Зарубежной Церкви), и господина нашего (имя епископа данной епархии) да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков".

Священник пользуется этой великой минутой, чтобы в присутствии несущих Дары помянуть пред Господом имена всех христиан, начиная с тех, кому труднее и священнее достались обязанности, от исполнения которых зависит счастье всех и собственное спасение душ их:

"Страждущую страну российскую и православныя люди ея во отечестве и разсеянии сущия, страну сию, власти и верою живущих в ней, да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков".

"Священство, монашество, всех гонимых за веру православную, создателей, благотворителей и братию святого храма сего, и всех вас, православных христиан, да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне, и присно, и во веки веков".

Все предстоящие должны вполголоса отвечать: *"и священство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно, и во веки веков"*. Хор оканчивает вторую часть херувимской песни: *"Яко да Царя всех подимем, ангельскими невидимо дориносима чинми, аллилуия, аллилуия, аллилуия"*. (Т.е., "Да Царя всех подыдем, невидимо копыеносимого ангельскими чинами".)

"Копыеносимого" потому, что у древних римлян был обычай новоизбранного императора выносить к народу в сопровождении легионов войск на щите под осенением множества наклонённых копий. Песню эту сложил сам император, упавший в прах со всем своим земным величием пред величием Царя всех, копыеносимого херувимами и легионами небесных сил: в первоначальные времена сами императоры смиренно становились в ряды служителей при выносе хлеба.

Помяная православное епископство гонимья церкви российской и "страждущую страну российскую и православныелюди", Русская Зарубежная Церковь исповедует своё неотъемлемое духовное единство с гонимой церковью на порабощённой безбожниками родине.

Ход вступает в царские врата. Впереди всех вошедший в алтарь диакон, остановившись по правую сторону дверей, встречает священника словами:

"Да помянет Господь Бог священство твое во царствии Своем".

Священник ему отвечает:

"Да помянет Господь Бог священнодиаконство твое во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков".

И поставляет святую чашу и хлеб, представляющий тело Христово, на престол, как бы на гроб. Иерей снимает с головы диакона святой дискос, как бы он снимал тело Спасителя с креста, ставит его на разостланный антиминс, как бы на плащаницу, и сопровождает это действие словами:

"Благообразный Иосиф с древа снем пречистое Твое тело, плащаницю чистою обвив, и благоуханными во гробе нове закрые положи".

И вспоминает вездесущие Того, Кто теперь лежит перед ним во гробе и славу, в которую облекся сей гроб.

И, снявши покровцы от дискоса и от чаши, берёт воздух с плеча диакона, изображающий теперь уже не пелены, в которые повит был Иисус

Младенец, но сударь и гробовые покровы, в которые повито было Его мёртвое тело, окадив их фимиамом, покрывает он им дискос и чашу вместе, произнося:

"Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое Твое тело, плащаницю чистою обвив, и благоуханными во гробе нове закрые положи".

Потом, взявши от диакона кадило, кадит Святые Дары, поклоняясь пред ними три раза, и, готовясь к предстоящему жертвоприношению, говорит в себе словами пророка Давида: *"Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския: тогда благоволиши жертву правды, возношения и всесожигаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы"*: ибо, пока Сам Бог не воздвигнет, не оградит душ наших иерусалимскими стенами от всяких плотских вторжений, мы не в силах вознести Ему ни жертв, ни всесожжений, и не подымется кверху пламень духовного моления, разносимый посторонними помышлениями, набегом страстей и выугой возмущения душевного. Врата царские затворяются, как бы двери гроба Господня; занавес над ними задёргивается, как кустодия (стража), поставленная охранять Его тело от учеников Его.

Молясь об очищении своём для предстоящего жертвоприношения, иерей, отдавая кадило диакону, опустив фелонь и преклонив главу, говорит ему: *"Помяни мя, брате и сослужителю!"* -- *"Да помянет Господь Бог священство твое во царствии Своем!"* отвечает диакон и в свою очередь, помышляя о недостатке своём, преклоняет главу и, держа орарь в руке, говорит ему: *"Помолися о мне, владыко святой!"* Священник ему отвечает: *"Дух Святой найдет на тя и сила Вышняго осенит тя"*. -- *"Тойже Дух содействует нам во вся дни живота нашего"*. И, полный сознания своего недостатка, диакон присовокупляет: *"Помяни мя, владыко святой!"* На что священник отвечает: *"Да помянет тя Господь Бог во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков"*. Диакон, произнеши "аминь" и поцеловавши ему руку, исходит боковой северной дверью призвать всех предстоящих к молитвам о перенесенных на престол Святых Даров.

2. Приготовление верующих к освящению Честных Даров.

Взойдя на амвон, лицом к царским дверям, подняв орарь тремя перстами руки в подобие поднятого крыла ангела, побудителя к молитве, диакон возносит цепь молений, уже непохожих на прежние. Начинаются они просительной ектений:

"Исполним молитву нашу Господеву".

На что лик отвечает:

"Господи, помилуй".

Диакон продолжает: *"О предложенных Честных Дарех, Господу помолимся"*.

Лик: *"Господи, помилуй"*.

Диакон: *"О святем храме сем, и с верою, благоговением и страхом Божиим входящих в оны, Господу помолимся"*.

Лик: *"Господи, помилуй"*.

Диакон: *"О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды, Господу помолимся"*.

Лик: *"Господи, помилуй"*.

Здесь священник втайне произносит молитву приношения, по окончании которой диакон провозглашает:

"Заступи, спаси, помилуй, и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию",

на что лик отзывается:

"Господи, помилуй".

Потом идут те прошения, которые только одни верные, живущие во Христе, возносят к Господу:

"Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим",

взывает диакон (т.е., мы просим у Господа помощи провести весь день в совершенстве). Собрание молящихся, соединяясь с хором поющих, взывает от сердец:

"Поддай, Господи!"

Диакон:

"Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим", (т.е., послать нам Ангела хранителя, верно наставляющего на путь истины и добра, и охраняющего наши души и тела от всякого зла).

Собрание и хор: *"Поддай, Господи!"*

Диакон:

"Прощения и оставления грехов и прегрешений наших, у Господа просим".

Собрание: *"Поддай, Господи!"*

Диакон:

"Добрых и полезных душам нашим и мира мирови, у Господа просим" (т.е., даровать нам всё доброе и полезное для души, а не то, что услаждает наши пагубные страсти и чего мы часто желаем, и чтобы все люди -- "мир" -- жили и трудились в мире между собой, а не во вражде и взаимноуничтожающей борьбе).

Собрание: *"Поддай, Господи!"*

Диакон:

"Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати, у Господа просим", (т.е., чтобы мы провели остаток жизни нашей в мире с ближними и со своей совестью и, в сокрушении /а потом -- и в покаянии/ о содеянных грехах, сподобились христианской кончины, т.е., исповедавшись и причастившись Св. Таин Христовых).

Собрание: *"Поддай, Господи!"*

Диакон:

"Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на страшнем судищи Христове просим", (т.е., мы просим кончины безболезненной, непостыдной, так как бывают случаи смерти постыдной, для христианина, например, от пьянства, самоубийства, драки и др. Мы просим кончины мирной, т.е., в душевном мире и примирении с ближними; и чтобы Господь удостоил нас дать добрый, безбоязненный ответ на страшном Суде Его).

Собрание: *"Поддай, Господи!"*

Диакон:

"Пресвятую, Пречистую, Преподобную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, со всеми святыми помянуше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим".

И в истинном желании предать самих себя и друг друга Христу Богу, все восклицают:

"Тебе, Господи!"

Ектения завершается возгласением священника:

"Щедротами Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков".

Лик отвечает: *"Аминь"*.

Алтарь всё ещё закрыт. Священник всё ещё не приступает к жертвоприношению: ещё много долженствующего предшествовать тайной вечери. Из глубины алтаря посылает он приветствие Самого Спасителя, повернувшись лицом к народу:

"Мир всем!"

Все наклоняют свои головы и отвечают:

"И духови твоему".

Стоя на амвоне, диакон, как было у первых христиан, призывает всех ко взаимной любви словами:

"Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемы"...

Окончание призывания подхватывает лик поющих:

"Отца, и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную",

возвещая, что, не полюбивши друг друга, нельзя полюбить Того, Кто весь одна любовь, полная, совершенная, содержащая в своей Троице и любящего и любимого, и самое действие любви, которою любящий любит любимого: любящий -- Бог Отец, любимый -- Бог Сын, и сама любовь, их связующая -- Бог Дух Святой.

Три раза поклоняется священник в алтаре, произнося в себе тайно: *"Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь утверждение мое, и прибежище мое"*, и целует покрытые покровами святой дискос и святую чашу, целует край святой трапезы и, сколько бы ни случилось священников с ним сослужащих, каждый делает то же, и потом все целуют друг друга. Старший говорит:

"Христос посреде нас".

Другие ему отвечают:

"И есть, и будет".

Прежде все предстоящие в церкви лобызали также друг друга, произнося: "Христос посреде нас", и тут же отвечая: "и есть, и будет"; а потому и теперь всякий предстоящий, собирая мысленно пред собою всех христиан, не только присутствующих в храме, но и отсутствующих, не только близких к сердцу, но и далёких от сердца, спеша примириться с теми, против которых питал какую-нибудь нелюбовь, ненависть, неудовольствие -- всем им спешит дать мысленно лобзание, говоря внутренно: "Христос посреде нас", и отвечая за них: "И есть, и будет": ибо без этого он будет мёртв для всех следующих священнодействий, по слову Самого Христа: "Оставь дар твой, и пойдя, прежде примиришься с братом твоим, и тогда прииди и принеси дар твой" (Мф. 5,24); и в другом месте: "Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?" (1 Иоанн. 4, 20).

Стоя на амвоне и держа орарь тремя перстами, произносит диакон возглашение:

"Двери! Двери!"

обращаемое в древние времена к привратникам, стоявшим у входных дверей, чтобы никто из язычников, имевших обыкновение нарушать христианские богослужения, не ворвался бы нагло и святотатственно в церковь, ныне же обращаемое к самим предстоящим, чтобы берегли двери сердец своих, где уже поселилась любовь, и не ворвался бы туда враг любви, а двери уст и ушей отверзли бы к слышанию Символа Веры, во знаменование чего и отдёргивается завеса над царскими вратами, или горние двери, отверзающиеся только тогда, когда следует устремить внимание ума к таинствам высшим. А диакон призывает к слушанию:

"Премудростию вонмем".

Этими словами всем напоминает, чтобы все мы были внимательны к премудрым истинам православной веры, изложенным в Символе Веры. Завеса открывается.

С этой минуты верующие не должны выходить из храма до окончания литургии. Насколько предосудительно нарушать это требование, видно из 9-го апостольского правила: "всех верных, входящих в церковь... и не пребывающих на молитве до конца, как бесчине в церкви производящих, подобает отлучать от общения церковного". Священник поднимает воздух и веет им над дискосом и чашей, читая Символ веры, а за ним -- певцы и все предстоящие в храме твёрдым, мужественным пением, выразительно и громко:

"Верую во Единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым". И, сохранив миг отдохновения, чтобы отделилось в мыслях у всех первое лицо Св. Троицы -- Бог Отец, -- продолжают, возвышая голос:

"И во Единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, иже от Отца рожденнаго, прежде всех век. Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения, сшедшаго с небес, и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятого же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по писанию. И восшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже царствию не будет конца".

И, приостановившись, чтобы отделить второе лицо Св.Троицы -- Иисус Христос, -- продолжают: "И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, иже от Отца исходящаго, иже со Отцем и Сыном спокланяема и славима, глаголашаго пророки".

И, опять сохранив миг отдохновения, чтобы отделилось в мыслях у всех третье лицо Св. Троицы -- Бог Дух Святой, -- продолжают:

"Во едину святую, соборную, и апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение, во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века. Аминь".

После пения Символа Веры диакон возглашает:

"Станем добре, станем со страхом, вонмем, святое возношение в мире приносити", (т.е., станем, как прилично человеку предстать перед Богом, с трепетом, со страхом и в то же время с мужественным дерзновением духа, славословящего Бога, с восстановившимся согласием мира в сердцах, без которого нельзя вознестись к Богу. Другими словами, это значит, что настало время приносить "святое возношение" или жертву, т.е., совершать Св. Таинство Евхаристии или "благодарения").

И вся церковь, принося в жертву хваление уст и умягчённое состояние сердец, повторяет вслед за хором:

"Милость мира, жертву хваления", (принесём с благодарностью за даруемую нам свыше милость небесного мира единственно доступную нам жертву хваления).

Священник в алтаре снимает между тем воздух со Святых Даров, целует его и кладёт на сторону, посылая к народу сие благовествующее возглашение:

"Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами!" На что все ему отвечают:

"И со духом твоим!"

И алтарь, изображающий вертеп, теперь уже помещение, в котором была уготована вечеря; престол, представлявший гроб, теперь уже трапеза, а не гроб.

Напоминая о Спасителе, возведшем очи горе (т.е., вверх, к Богу), священник возглашает:

"Горе имеем сердца!"

(т.е., будем иметь сердца устремленными "горе", с ударением на "е" -- вверх, к Богу). И каждый из стоящих в храме помышляет о том, что имеет совершиться -- что в эту минуту Божественный Агнец идёт за него заклаться, Божественная кровь Самого Господа вливается вчашу, в его очищение, и все небесные силы, соединясь с иереем, о нём молятся, стремя своё сердце от земли к небу, от тьмы к свету, восклицает вслед за всеми:

"Имамы ко Господу" (т.е., наши сердца уже устремлены к Господу), после чего священник приступает к третьей части Литургии верных -- к освящению (пресуществлению) Даров.

3. Освящение (пресуществление) Даров

Совершение Св. Таинства Причащения составляет главнейшую часть литургии. Оно начинается возглагошением иерея, напоминающего о Спасителе, благодарившем, по возведении очей горе (т.е. вверх, к небу):

"Благодарим Господа".

Лик: *"Достойно и праведно есть поклоняться Отцу, и Сыну, и Святому Духу, Троице единосущней и нераздельней".*

Священник же в это время в тайной молитве, называемой евхаристической (благодарственной), прославляет бесконечные совершенства Божии следующими словами (с добавлением русских слов): *"Достойно и праведно есть Тебя воспевать, Тебя благословить, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего, ибо Ты еси Бог неизреченен, неведом, невидим, непостижим, присно сый, такожде сый Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Ты от небытия в бытие нас привел еси и отпадшия вновь восстановил нас и не отступил еси вся творя, дондеже на небо нас возвел еси, и даровал нам Твое будущее царство. О сих всех благодарим Тебя, и Единороднаго Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, о всех, которых знаем и которые не знаем, о явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас. Благодарим Тебя и о службе сей, которую из рук наших прияти изволил еси, хотя и предстоят Тебе тысящи архангелов, и тьмы ангелов, херувимы, и серафимы, шестокрылые, многоочитые, возвышающиеся пернатые",* после чего священник заканчивает эту молитву вслух:

"Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще", а певцы восполняют, воспевая песнь, которую взывают ангелы:

"Свят, Свят, Свят Господь Саваоф (Господь сил небесных), исполни небо и земля славы Твоея: осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних".

Эту победную серафимскую песнь, которую слышали в святых видениях своих пророки, подхватывает весь лик певцов, унося мысли молящихся к незримым небесам и заставляя их вместе с серафимами повторять: *"Свят, Свят, Свят Господь Саваоф"*, и облетая вместе с серафимами престол божественной славы. И так как в то же время вся церковь ожидает в эти минуты сошествие Самого Бога, грядущего принестись в жертву за всех, то к серафимской песне, раздающейся в небесах, присоединяется песнь отроков, которой они встретили вшествие Его в Иерусалим, подстилая ветви по пути: *"Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних"*. Ибо Господь взойти готовится во храм, как в таинственный Иерусалим.

Слова: *"победную песнь поюще..."* взяты из видений пророка Иезекииля (1, 4-24) и апостола Иоанна Богослова (Откр. 4, 6-8): они в откровении видели Престол Божий, окруженный ангелами в образе орла (поюще), тельца (вопиюще), льва (взывающе) и человека (глаголюще), которые непрерывно восклицали: *"Свят, Свят, Свят Господь Бог"*.

Священник молится втайне (даётся отчасти по-русски): *"С сими и мы блаженными силами, Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: Свят еси и Пресвят, Ты и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святыи. Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя, иже мир Твой тако возлюбил еси, якоже Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный: Который, пришед и все смотрение о нас исполнив, в ночь, в которую был предан или, лучше, Сам Себя предал за жизнь мира, взявши хлеб в святыя Свои, пречистыя и непорочныя руки, благодарив, и благословив, освятив, преломив, дал святым Своим ученикам и апостолам, сказав..."* и громко возглашает слова Спасителя:

"Приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов".

И вся церковь за ним возглашает:

"Аминь".

А диакон, держа орарь, указывает иерею на святыи дискос, на котором положен хлеб. Священник же продолжает втайне: *"Подобне и чашу по вечера, глаголя..."* и, по указанию диакона на чашу, возглашает громко:

"Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя Новаго Завета, еже за вы и за многия изливаемая, во оставление грехов".

И также громко возглашает вся церковь:

"Аминь".

Диакон, сложив руки крестообразно, приподымает святыи дискос и святыи потир -- с этого момента алтарь уже не горница Тайныя Вечери, Престол не трапеза: он уже теперь жертвенник, на котором приносится страшная жертва за весь мир -- Голгофа, где свершилось заклание Божественной Жертвы.

Священник в тайной молитве кратко вспоминает заповедь Спасителя (даётся частью по-русски): *"И так вспомяная сию спасительную заповедь, и все о нас бывшее: крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, второе и славное пришествие вновь"* -- и, произнеши втайне всё это, возглашает:

"Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся",

(т.е. "Принося Тебе Твои дары /бескровную жертву/ из Твоих же /творений нами взятые/ о всём /о всех/ и за всё /за все Твои благодеяния/).

Эта минута есть и жертвоприношение, и напоминание всякому о жертве Творцу. Жертва эта не прекращалась от самого создания мира и в каком бы виде ни приносилась, требовалась не самая жертва, но дух сокрушен, с которым она приносилась. Поэтому всякий из предстоящих, вспомни, что в эту минуту священник, презрев всё низменное, оставивши все помыслы, все мысли о земном, готовится принести страшную жертву.

В глубоком сознании, что нет Богу на земле ничего достойного жертвы, каждый из предстоящих обращается мысленно к той же чаше, которую в алтаре подымлет служитель алтаря, и восклицает в глубине сердца своего: *"Твоя от Твоих Тебе приносяще, о всех и за вся"*.

Лик продолжает:

"Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Тя ся, Боже наш!"

Здесь подходит верховнейшая минута всей литургии: пресуществление Даров. В алтаре происходит троекратное призывание Святого Духа на Святыи Дары -- Того Самого Святого Духа, Которым совершилось воплощение Христово от Девы, Его смерть, Его воскресение, и без Которого не может пресуществоваться хлеб и вино в тело и кровь Христовы.

Поклонившись перед Святым Престолом, священник негромко произносит тропарь 3-го часа: *"Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благой, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся"*. Диакон и все священнослужители с ним произносят 12-й стих 50-го псалма: *"Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух правый обнови во утробе моей"*. Священник опять читает тропарь 3-го часа, а диакон произносит 13-й стих 50-го псалма: *"Не*

отвержи мене от лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отъими от мене". Священник опять читает тропарь 3-го часа.

После этого диакон, наклонив голову, указывает орарём на святыи хлеб (на дискосе), произнося:

"Благослови, владыко, святыи хлеб";

и знаменует его иерей, говоря:

"И сотвори убо хлеб сей, честное тело Христа Твоего".

Диакон произносит: *"Аминь"* -- и диакон указывает орарём на святыи чашу, произнося:

"Благослови, владыко, святыи чашу".

И, благословляя, говорит священник:

"А еже в чаши сей, честную кровь Христа Твоего".

Диакон произносит: *"Аминь"* и, указывая на хлеб и чашу, говорит:

"Благослови, владыко, обоя".

Благословив, произносит священник:

"Преложив Духом Твоим Святым"

-- И НА ПРЕСТОЛЕ УЖЕ ТЕЛО И КРОВЬ: ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЕ СОВЕРШИЛОСЬ! Диакон троекратно произносит: *"аминь"*, а священник делает пред Святыи Дарами земной поклон, как Самому Царю и Богу. Это -- САМЫЙ ВАЖНЫЙ МОМЕНТ ЛИТУРГИИ.

Теперь на престоле -- не образ, не вид, но самое Тело и Кровь Господне. То самое тело, которое страдало на земле, терпело побои, было оплётано, распято, погребено, воскресло, вознеслось вместе с Господом и сидит одесную Отца. Вид хлеба сохраняет оно только затем, чтобы быть пищей человеку, и потому, что Сам Господь сказал: *"Аз есмь хлеб"* (т.е., "Я есть хлеб").

Церковный звон лётает с колокольни возвестить всем о великой минуте, чтобы человек, где бы он в это время ни находился -- в пути ли, в дороге, на работе, сидит ли в своём доме, или занят другим делом, или томится на одре болезни, или в тюремных стенах -- словом, где бы он ни был, чтобы мог отовсюду вознести моление и от себя в эту страшную минуту. Всё повергается ниц в виду Тела и Крови Господней, взывая к Господу словами разбойника: *"Помяни мя, Господи, во царствии Твоем"*.

По освящении Святыи Даров диакон, подклонив главу, произносит: *"Помяни мя, святыи владыко, грешнаго"*, на что священник отвечает: *"Да помянет тя Господь Бог во царствии Своем, всегда, ныне и присно, и во веки веков"* и приступает священник в тайной молитве просить Господа, чтобы причащающимся Святыи Дары послужили *"во трезвение души"* (т.е. способность видеть, какие из возникающих в ней стремлений и намерений добрые, а какие недобрые), *во оставление грехов, в приобщение Святаго Духа, во исполнение* (полноту участия) *Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе* (т.е. право обращаться к Господу со всеми нуждами), *не в суд или во осуждение"*, и вспоминает всех тех, за кого принесена эта Жертва: Святыи Дары приносятся Господу Богу, как благодарственная Жертва за всех святых. В особенности же ("изрядно") вспоминает священник Пресвятую Деву Марию, а поэтому громко произносит:

"Изрядно о Пресвятей, пречистой, преблагословенней, славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии", на что хор и вся церковь отвечают хвалебной песней в честь Божией Матери:

"Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу, присноблаженную, и пренепорочную, и Матерь Бога нашего. Честнейшую херувим, и славнейшую без сравнения серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величаем".

Священник же тем временем тайно молится за усопших и, переходя к молитве за живых, произносит:

"В первых помяни, Господи, православное епископство гонимыи церкви российския...", помяная высшую церковную иерархию.

Хор и предстоящие отвечают: *"И всех, и вся"*, (т.е., помяни, Господи всех верующих).

Молитва за живых заканчивается возгласом священника:

"И даждь нам едиными усты, и едином сердцем (т.е. единодушно), *славити и воспевати пречестное* (славное) *и великолепое* (величественное) *имя Твое, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков"*. Утвердительно *"аминь"* отвечает хор и вся церковь.

Священник после этого призывает благословение на всех предстоящих, произнося:

"И да будут милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, со всеми вами".

Хор и церковь отвечают: *"и со духом твоим"*, чем и заканчивается эта часть литургии.

4. Приготовление верующих к причащению

Эта часть литургии начинается просительной ектений: диакон восходит на амвон и, подняв орарь тремя перстами правой руки, призывает всех к молитве:

"Вся святыи помянуеше, паки и паки миром Господу помолимся!" (Т.е., помянув на проскомидии и после великого входа всех святых, молящихся о нас.)

Хор отвечает: *"Господи, помилуй!"*

Диакон: *"О принесенных и освященных Честных Дарех, Господу помолимся!"* (Т.е., о принесенных на проскомидии и только что освященных дарах.)

Хор: *"Господи, помилуй!"*

Диакон: *"Яко да Человеколюбец Бог наш, прием я во святыи и пренебесный и мысленный Свой жертвенник, в вою благоухания духовнаго, возниспослет нам божественную благодать, и дар Святаго Духа, помолимся"*. (Т.е., "Чтобы наш человеколюбивый Бог, приняв их на святой, пренебесный и мыслимый Свой жертвенник, в духовном благоухании, за то ниспослал нам божественную благодать и дар всеявсаго Духа, Господу помолимся".)

Хор: "Господи, помилуй!"

Диакон: "О избавитися нам от всякия скорби, гнева, и нужды, Господу помолимся".

Хор: "Господи, помилуй!"

Диакон: "Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию".

Хор: "Господи, помилуй!"

Диакон: "Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна, у Господа просим".

Хор: "Подай, Господи!"

Диакон: "Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших, у Господа просим".

Хор: "Подай, Господи!"

Диакон: "Прощения и оставления грехов и прегрешений наших, у Господа просим".

Хор: "Подай, Господи!"

Диакон: "Добрых и полезных душам нашим и мира миру, у Господа просим".

Хор: "Подай, Господи!"

Диакон: "Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати, у Господа просим".

Хор: "Подай, Господи!"

Диакон: "Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и добраго ответа на страшнем судищи Христове, просим".

Хор: "Подай, Господи!"

После этого диакон, уже не призывая в помощь святых, обращает всех прямо к Господу:

"Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим", на что все отвечают:

"Тебе, Господи!"

Священник же возглашает:

"И сподоби нас, Владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати Тебе Небеснаго Бога Отца, и глаголати". (Т.е., "И удостой нас /позволь нам/, Владыка, осмелиться приывать к себе откровенно, без осуждения, Тебя, небесного Бога, и говорить".)

И все верные, как дети, доведенные молениями и всю службу и постепенным ходом её до того небесно-умилённого, ангельского состояния души, в котором может прямо человек говорить с Богом, как с любящим отцом, воспевают молитву Господню всю церковью:

"Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя Твое, да приидет царствие Твое: да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли: хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим: и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго".

Кратка эта молитва, завещанная нам Самим Иисусом Христом (Матф. 6, 9-13), но она объёмлет всё учение Господа, все Его уроки и наставления, так что она есть "сокращение всего Евангелия". ОТЧЕ НАШ! "В Писании много есть речений", -- говорит блаженный Августин, -- "коиими изъясняется хвала Богу, но не найдёшь, чтобы Израилю предписано было взывать к Богу: Отче наш. Это преимущество дано новому Израилю -- христианам". "Да святится имя Твое" -- блаженный Августин толкует: "да святится" значит: святым да почитается, да не презирается. Видишь ли теперь, что себе добра желаешь, когда сего желаешь? Ибо для тебя пагубно, когда презираешь имя Божие, а не для Бога".

"Да приидет царствие Твое" -- о каком царстве мы молимся? Мы просим, отвечает на этот вопрос св. Киприан, чтобы пришло царство, обещанное нам Богом, приобретенное кровью и страданием Христовым; просим, чтобы нам, послужившим в сем веке Христу Господу, царствовать потом с Ним, как и Сам Он обещает, говоря: "приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира".

"Взываем *"да будет воля Твоя"*, -- говорит один древний учитель, "не потому, чтобы мог кто-либо помешать воле Божией, но молим, чтобы Он и указал нам волю Свою, и подал силу исполнять её".

"*Яко на небеси, и на земли*" -- как на небе всё без препятствия совершается, и не бывает того, чтобы ангелы в одном повиновались, а в другом не повиновались, но во всём повинуются: так и нас человек сподоби не в половину творить волю Твою, но всё исполнять.

Слова: "*хлеб наш насущный даждь нам днесь*" можно понимать и духовно, и просто. "Хлебом нашим", объясняет св. Киприан, -- "мы называем Христа, потому что вкушаем Тела Его". Как и Сам Он говорит: "Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век" (Иоан. 6, 51). Вместе с тем мы просим и телесной пищи, дневного пропитания. "Спаситель", -- говорит св. Златоуст -- "повелел молиться не о богатстве, не об удовольствиях, не о дорогих одеждах, но только о хлебе, и притом о хлебе дневном -- так, чтобы не заботиться о завтрашнем".

Словом: "*остави нам долги наша*" мы просим о снятии с нас всех тяжких грехов наших, на нас тяготеющих, -- просим прощения нам всего того, чем задолжали мы -- в лице братьев наших, которых и мы от души прощаем словами: "*Якоже и мы оставляем должником нашим*", -- Самому Творцу, Который ежедневно и ежеминутно в образе их подаёт нам руку Свою.

"Словами: "*не введи нас во искушение*", -- говорит преп. Варсануфий Великий, -- "мы не о том просим, чтобы нам совсем не подвергаться искушению, потому что это невозможно. Нет, мы молимся о том, чтобы под влиянием искушения нам не возжелать деяния неугодного Богу".

"Словами: "*но избави нас от лукаваго*", -- говорит св. Киприан, -- мы просим избавить нас от всех бед, которые в сем мире замышляет против нас враг и против которых у нас одна верная и крепкая защита -- Бог".

По окончании этой молитвы, иерей возглашает:

"Яко Твое есть царство, и сила, и слава, Отца, и Сына, и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков", на что лик отвечает "Аминь", а иерей приветствует из глубины алтаря как бы приветствием Спасителя:

"Мир всем!"

на что все с хором отвечают: "И духови твоему!"

Напоминая о сердечном внутреннем исповедании, которое должен всякий совершить внутри самого себя в сию минуту, диакон взывает:

"Главы ваша Господеви приклоните!"

И, наклонив главы свои, все до единого из предстоящих произносят в себе почти такую молитву:

"Тебе, Господи Боже мой, преклоняю главу и во исповедании сердечном вопию: грешен, Господи, и недостойн просить у Тебя прощения, но Ты, как Человеколюбец, так же ни за что, как блудного сына, меня помилуй, как мытаря, меня оправдай и удостой меня, как разбойника, Твоего небесного царства".

И когда все таким образом, приклонив главы свои, пребывают во внутреннем сокрушении сердечном, иерей молится у престола за всех такими, тихо произносимыми, словами (приводится частично по-русски):

"Благодарим Тебя, Царю невидимый, иже неисчетною Твоею силою вся содетельствовал еси, и множеством милости Твоея от небытия в бытие вся привел еси. Сам, Владыко, с небес призри на преклонивших Тебе главы своя, ибо подклонили они их не плоти и крови, но Тебе страшному Богу. Ты же Владыко, всё, что предлежит нам изравняй во благо, каждому по потребности его: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели, Врачу душ и телес!"

И, закончив эту молитву, возглашает иерей:

"Благодатию и щедротами, и человеколюбием Единороднаго Сына Твоего, с Нимже благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно, и во веки веков!"

Лик возглашает: "Аминь!"

Священник же, приготавливая к приобщению себя самого и потом всех к причастию, молится такой тайной молитвой: "Вонми, Господи Иисусе Христе Боже наш, от святаго жилища Твоего, и от престола славы царствия Твоего, и прииди освятить нас, иже горе с Отцом сидящий, и здесь невидимо нам спребывающий: и сподоби державной рукой Твоей преподать нам (священникам) пречистое тело Твое и честную Кровь, а нами всем людям".

Диакон во время этого моления готовится к причащению: становится перед царскими вратами, опоясав себя орарём и складывая его крестовидно на себе в подобие ангелов, крестовидно складывающих на себе крылья и закрывающих ими лица свои перед неприступным светом Божества. Поклоняясь три раза, так же как и священник, произносит он три раза в себе: "Боже, очисти мя грешнаго, и помилуй мя!"

Когда же священник протянет руки свои к святому дискосу, возгласом "вонмем" призывает диакон всех в храме устремить мысль на происходящее и входит в алтарь. Занавес задёргивается, скрывая алтарь от глаз народа, для совершения причастия самих иереев. Один только голос иерея, поднимающего святой Агнец, произносит из алтаря:

"Святая святых!" (Т.е. "Святых Даров святым людям").

Проникаясь сознанием сего возвещения, говорящего, что нужно быть святым для принятия святыни, весь молящийся храм с хором отвечают ему:

"Един Свят, един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь",

вслед за чем поётся один из около 30 существующих "причастных стихов". Диаконы, если их несколько, целуют друг друга со словами: "Христос посреде нас, и есть и будет".

5. Причащение

Священник раздробляет теперь святой Хлеб, сначала по знаку, начертанному на проскомидии, на четыре части, с благоговением произнося:

"Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но освящаяй причащающихся".

Первая часть, с буквами IC, погружается в чашу, после чего диакон, с благословения иерея, вливает в чашу немного горячей воды со словами: "Благословенна теплота Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков".

Причастив сначала себя и диакона второй частью (с печатью ХС) и святою кровию из чаши, служитель Христов предстоит новым человеком, как очищенный святынею Причастия от своих прегрешений, как святой истинно в эту минуту и как достойный причащать других.

Третья и четвёртая части с буквами NI-KA раздробляются и погружаются в чашу для причащения верных. Частицы, вынутые на проскомидии во имя святых, во имя усопших и во имя некоторых живущих, остаются до времени ещё на дискосе.

Тут раскрываются царские врата и диакон возносит торжественный возглас:

"Со страхом Божиим и верою приступите!"

и пред всеми появляется преображенные серафим с святой чашей в руках -- иерей, во святых вратах стоящий. Громом торжественного пения гремит весь лик в ответ:

"Благословен грядый во имя Господне, Бог Господь и явися нам!"

Причащающиеся, сложив руки крестом на груди, приближаются к чаше, и со всей церковью повторяют вслед за иереем сие исповедание Распятого:

"Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз. Еще верую, яко сие есть самое пречистое тело Твое, и сия есть самая честная кровь Твоя. Молюся убо Тебе: помилуй мя и прости ми прегрешения моя, вольная и невольная, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Твоих таин во оставление грехов и в жизнь вечную. Аминь".

И, остановившись на одно мгновение, дабы объять мыслью значение того, к чему приступают, продолжают:

"Вечери Твоя тайныя днесь, Сыне Божий, причастника (или причастницу) мя приими: не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда (т.е., "потому что я не выдам тайны Твоим врагам и не поцелую Тебя, как Иуда"), но яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во царствии Твоем". И, опять после мгновенного молчания, продолжают:

"Да не в суд или во осуждение будет мне причащение святых Твоих таин, Господи, но во исцеление души и тела, Аминь".

И прочитав сие исповедание, уже не так, как к иерею, но как к самому огненному серафиму, приступает каждый, готовясь принять со святой лжицы (т.е., ложечки) тот огнепальный уголь святого Тела и Крови Господа, который должен в нём сжечь, как тленный хворост, весь чёрный дрязг его прегрешений, изгнав вечную ночь из души его, превратив его самого в просветлённого серафима. И когда, подъяв святую ложку над устами его и упомянувши его, произнесёт иерей:

"Причащается раб(а) Божий(я) (произносится имя причащающегося или причащающейся) честнаго и святаго Тела, и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов, и в жизнь вечную" приемлет он Тело и Кровь Господа. Лик поёт: *"Тело Христово примите, источника бессмертнаго вкусите"*, а после окончания причащения -- троекратно *"Аллилуя"*.

После причащения мирян, священник, поставив святую чашу на святую трапезу, погружает в неё все частицы, которая оставались на дискосе и были вынуты во время проскомидии в воспоминание святых, в упокой усопших и в душевное здравие живущих. В сем действии их погружения приобщается Телу и Крови Христовой вся Церковь Его -- и та, которая ещё странствует и воинствует на земле, и та, которая уже торжествует на небесах: Богородица, пророки, апостолы, отцы церковные, святители, отшельники, мученики, все грешные, за которых были вынуты частицы, на земле живущие и отшедшие, приобщаются в эту минуту Телу и Крови Христовой. И священник, предстоя в такую минуту пред Богом, как представитель всей Его Церкви, молится о всех, да омоются грехи их, ибо за искупление всех принесена жертва Христом, как за тех, которые жили до Его пришествия, так и за тех, которые жили по пришествии Его. И как бы ни была грешна молитва его, но священник возносит её за всех, даже за самых святятейших, ибо, как сказал Златоуст, общее предлежит очищение вселенныя.

"Далее иерей, благословив предстоящих словами: *"Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое"*, ибо предполагается, что все по чистоте в эту минуту обратились в собственное достояние Божие -- устремляется мыслью к Вознесению Господню, которым завершилось Его пребывание на земле: становится он вместе с диаконом пред святым престолом и, поклоняясь, кадит в последний раз, произнося в себе: *"Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя"*, между тем как лик восторженным песнопением и звуками, сияющими весельем духовным, зовёт просветлённые души всех предстоящих к произнесению вслед за ним сих слов самой радости духовной:

"Видехом свет истинный, прияхом Духа небеснаго, обретохом веру истинную, нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть".

Диакон показывается в царских вратах со святым дискосом на главе, не произнося ни одного слова: безмолвным воззрением своим на всё собрание и уходом символизирует он Вознесение Господне. Вслед за диаконом показывается во вратах и иерей со святой чашею и возвещает незримое пребывание с нами до скончания веков вознесшегося Господа словами:

"Всегда ныне и присно и во веки веков",

после чего и чаша, и дискос относятся вновь на боковой жертвенник, на котором совершалась проскомидия, который изображает теперь уже не вертеп, видевший рождение Христово, но то верховное место славы, где совершился возврат Сына в лоно Отчее.

6. Благодарение за причащение и отпуст

Здесь вся церковь, предводимая поющим ликом, соединяется в одно торжественно-благодарное пение душ своих; и сии суть слова её восхваления:

"Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да поем славу Твою, яко сподобил еси нас причаститься святым Твоим, божественным, бессмертным и животворящим тайнам: соблюди нас во Твоей святини, весь день поучатися правде Твоей":

И воспевает троекратно вслед за тем хор певцов воздвигающее слово:

"Аллилуия, аллилуия, аллилуия".

Диакон же всходит на амвон воздвигнуть в последний раз предстоящих к молениям благодарственным.

Подъяв орарь тремя перстами руки своей, произносит он краткую ектению:

"Прости приемше божественных, святых, пречистых, бессмертных, небесных и животворящих, страшных Христовых таин, достойно благодарим Господа". (Т.е., "С должным вниманием причастившись божественных, святых, чистых, бессмертных, небесных и животворящих таин, по достоинству поблагодарим Господа".)

И, благодаря сердцами, воспевают все тихо:

"Господи, помилуй!"

"Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию!" зывает в последний раз диакон.

И воспевают все:

"Господи, помилуй!"

"День весь совершен, свят, мирен и безгрешен испросивше, сами себе и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим", заканчивает диакон. (Т.е., "Попросив себе дня вовсе беспорочного, святого, мирного и безгрешного, предадим Христу Богу самих себя, друг друга и всю нашу жизнь".)

И с покорностью кроткой младенца, в небесной доверенности Богу, все восклицают:

"Тебе, Господи!"

А священник, складывая в это время антиминос и с евангелием в руках, ознаменовав крест Евангелием над престолом, возглашает троичное славословие, которое, озаряв доселе, подобно всеозаряющему маяку, весь путь богослужения, и теперь вспыхивает ещё сильнее светом в просветившихся душах:

ОБЪЯВЛЕНИЯ

В нашем приходе вы можете приобрести нательные кресты, иконы, лампы и православные книги. Не стесняйтесь обращаться с вопросами в свечную лавку.

Братья и сестры, здесь вы можете размещать свои объявления. Обратитесь в свечную лавку за разъяснениями, как это сделать.